

Н И Л А Д И

Сквозь свет

Д В Е С У Д Ь Б Ы —
О Д И Н С В Е Т

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нила Ди

Сквозь свет

<https://litres.ru/74358488>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пол Палмер — талантливый кардиохирург, привыкший спасать чужие жизни, но свою давно научился скрывать за безупречной репутацией, холодным взглядом и бесконечной работой.

Рикарда Грейвс мечтает стать выдающимся хирургом и уверена, что чувствам не место там, где цена ошибки — человеческая жизнь. Особенно если эти чувства возникают к человеку, которого она меньше всего ожидала встретить на своем пути.

Между ними слишком много причин держаться на расстоянии. Но одна тайна меняет все, заставляя обоих сделать выбор между страхом и надеждой, долгом и сердцем.

Две судьбы — одна жизнь. История о том, что иногда именно любовь становится самым сложным испытанием и единственным шансом все изменить.

Содержание

Плейлист	4
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	51
Глава 5	68
Глава 6	94
Глава 7	115
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Нила Ди

Сквозь свет

Плейлист

ГЛАВА 1

Kari Kimmel — Black

Сцена: Пол в машине после тяжёлой смены

ГЛАВА 2

Sam Tinnesz — Ready Set Lets Go

Сцена: утренняя пробежка

Esterly, Austin Jenckes — This Is My World

Сцена: операционная. Первое знакомство Пола и Рики

ГЛАВА 3

Royal Deluxe — My Time

Сцена: Рика остаётся заполнять карточки пациентов

Kat Leon — Fearless

Сцена: утро Рики в её квартире

ГЛАВА 4

Dorothy — Rest in Peace

Сцена: операция с Альварес

ГЛАВА 5

Marilyn Manson — Killing Strangers

Сцена: Пол на парковке, перед приездом Элизабет

KALEO — Way Down We Go

Сцена: операция Элизабет

ГЛАВА 6

The Man Who — U

Сцена: ссора Пола и Рики в детском отделении

ГЛАВА 7

Royal Deluxe — Dangerous

Сцена: Пол защищает Рiku от Доусона / их пикировка

The Black Keys — Lonely Boy

Сцена: сцена с мороженым

ГЛАВА 8

Raphael Lake, Aaron Levy, Daniel Ryan Murphy — Vertigo

Сцена: Пол благодарит Рiku после осмотра Элизабет

ГЛАВА 9

Barns Courtney — Champion

Сцена: Рика в машине перед сменой

SYML — Wheres My Love

Сцена: книжный магазин

ГЛАВА 10

Jamie N Commons — Lead Me Home

Сцена: Лейла сообщает новости / позднее разговор Пола

с Киллианом

ГЛАВА 11

Sam Tinnesz — Far From Home (The Raven)

Сцена: консилиум по Гарри

ГЛАВА 12

Zayde Wolf — No Mercy

Сцена: клинический разбор

ГЛАВА 13

Arctic Monkeys — Do I Wanna Know?

Сцена: склад, разговор без масок

ГЛАВА 14

KALEO — No Good

Сцена: после событий на складе

ГЛАВА 15

*WAR*HALL — Dead Man Walking*

Сцена: проникновение в кабинет Лекса

ГЛАВА 16

Blues Saraceno — The River

Сцена: линия Пола и короткое возвращение Клайры

ГЛАВА 17

Hozier — Movement

Сцена: спортблок

ГЛАВА 18

Anthony Sanudo, Daniel Murphy, Eric Serna — The Devil

Inside

Сцена: танец в баре

ГЛАВА 19

KALEO — I Cant Go On Without You

Сцена: дистанция после танца

ГЛАВА 20

Arctic Monkeys — Whyd You Only Call Me When Youre High?

Сцена: промокшая Рика

ГЛАВА 21

Chris Isaak — Wicked Game

Сцена: благотворительный вечер

ГЛАВА 22

Zayde Wolf — Born Ready

Сцена: сцена под дождём

ГЛАВА 23

Johnny Cash — Gods Gonna Cut You Down

Сцена: Пол соглашается на операцию

ГЛАВА 24

Raign — Raise the dead

Сцена: парковка

ГЛАВА 25

SYML — Fear of the Water

Сцена: последствия раскрытия истории Милли

ГЛАВА 26

The White Buffalo — Wish It Was True

Сцена: спокойное проживание последствий

ГЛАВА 27

Lord Huron — The Night We Met

ГЛАВА 28

Hozier — Talk

Сцена: дом Пола

ГЛАВА 29

James Major — Ordinary

Сцена: дистанция после того, что почти произошло

ГЛАВА 30

Zayde Wolf — Still Fighting for It

Сцена: Пол принимает решение оперировать

ГЛАВА 31

Woodkid — Run Boy Run

Сцена: подготовка / операция

ГЛАВА 32

Florence + The Machine — Cosmic Love

Сцена: после успешной операции Пол и Рика

ГЛАВА 33

Hozier — Work Song

Сцена: начало реальной попытки быть вместе

ЭПИЛОГ

Sam Smith — Stay With Me

Сцена: финальная эмоциональная точка первой книги

Глава 1

Пол

— Дилаааан! — крик был таким громким, что его слышала, наверное, вся больница.

За закрытыми дверями, которые, между прочим, обладали какой-то невероятной звукоизоляцией, я настолько отчётливо различил этот крик, как будто он раздался над моим ухом.

Просто превосходно, — пронеслось в моей голове, и я нехотя раскрыл глаза. Бросив быстрый взгляд на наручные часы, я тихо застонал: на дисплее отображалось «01:13». За окном была глубокая ночь, которую я планировал провести в неудобной больничной постели.

Судя по звукам, которые доносились сверху, в комнате тоже кто-то пытался поспать.

Видимо, не удалось.

Впрочем, как и мне.

За плечами было двенадцать часов смены, и тело словно налилось свинцом. Конечно, после почти пятнадцати лет практики ты ощущаешь всё это по-другому, но банальная усталость никуда не исчезает. Никогда.

Впереди меня ждали выходные, но сегодняшняя смена должна была растянуться на двадцать четыре часа, а всё почему? Потому что ведущие хирурги не отдыхают, они просто

сбегают из больницы, когда такая возможность предоставляется. А бывает это крайне редко, поэтому уходишь по ситуации и быстро.

Иногда я задавал себе один вопрос: «Зачем я выбрал этот путь?» — и ответ всегда приходил почти мгновенно. В зависимости от степени усталости.

Он был прост: мне всегда хотелось узнать, как физически выглядит человеческое сердце под влиянием тех или иных чувств. Да, звучало жутко, и мой ответ никогда не отличался подобной философией: «мне всегда хотелось спасти жизни» или «моё призвание — помогать людям» — нет, не то.

Иметь возможность хотя бы немного влиять на ход судьбы — вот это про меня. Мне нравилось ощущение, будто мне снова удалось обмануть смерть. В операционной оно сопровождало меня постоянно.

— Кто там так орёт? — голос с верхней полки заставил меня вернуться в реальность.

Пришлось приподняться и выглянуть с нижней койки, чтобы познакомиться с источником постороннего звука. Над мной лежал анестезиолог Деймон. Интересно, почему я не сразу узнал его голос. Хмурый повелитель наркозов посмотрел на меня сверху, перегнувшись через перекладину койки.

— О, Пол! Это ты, а я гадаю, кто там так «активно» спит.

— Что значит «активно»? — я показал кавычки двумя пальцами, потому что по тону Деймона было понятно: сказано это было с сарказмом.

Ночка, видимо, у парня не задалась.

— Потому что ты пришёл час назад и всё это время вертишься и вздыхаешь. Знаешь, сюда, — он обвёл помещение руками, — обычно люди приходят СПАТЬ! — Деймон снова рухнул на кровать и накрыл голову подушкой.

Я нервно посмеялся и решил, что разговаривать с ним дальше не имеет смысла, потому что ночью врачи в больнице — это монстры.

Как можно тише я вышел из комнаты отдыха и надел наушники. Заиграл трек, который всегда помогал немного взбодриться и прийти в себя, особенно если включить его на всю громкость.

Так я и поступил, однако до ординаторской я так и не дошёл, потому что в следующее мгновение в холл хлынул поток врачей и медсестёр.

Начинается.

Быстро вынув наушники, я побежал за спешившим медперсоналом по длинному больничному коридору. Я уже догадывался, что там происходит.

Как только я выбежал в распахнутые двери отделения неотложной помощи, я увидел вполне привычную картину: множество пострадавших и плачущих людей на кроватях в приёмном. Море крови, измождённые лица и крики. Вокруг стоял гул, слышались стоны. Суетились спасатели, врачи и ординаторы.

Всё это могло значить только одно: впереди нас ждала дол-

гая и бессонная ночь.

Мне потребовалось двадцать минут в полной тишине, чтобы снова начать мыслить здраво. Последние шесть часов я провёл в приёмном отделении и помогал всем, кому требовалась помощь.

Порой неважно, какая у тебя специализация и что тебе больше нравится во врачебном деле. Случаются такие дни, когда ты просто врач, который может спасти чью-то жизнь. Трагедии и катастрофы не спрашивают, кто ты: кардиохирург или хирург общей практики. Ты видишь людей, которым сегодня не повезло, и делаешь всё, чтобы этот неудачный день не стал для них последним.

Проведя руками по лицу, я открыл глаза и взглянул в окно. По стеклу барабанил дождь, капли стекали вниз, открывая взору привычную картину: постоянно угрюмый город, будто вечно погружённый в свои безрадостные мысли.

Мой план был прост — покинуть стены больницы как можно быстрее и по возможности не оглядываться.

Через несколько минут за окном ничего не изменилось — только теперь я смотрел на дождь уже из своей машины на парковке. Звонящую тишину нарушала едва слышная музыка из динамиков приборной панели.

Перед глазами всё плыло, и я не мог привести сердцебиение в норму. Ком в горле не давал нормально вздохнуть, а силы медленно покидали каждую клеточку тела.

Вдох, выдох. И снова вдох, выдох.

Надо срочно взять себя в руки и добраться до дома. Там точно можно будет расслабиться и выспаться.

Нажать кнопку запуска и осторожно отпустить педаль тормоза... Всё получится. Ехать не больше пятнадцати минут, если не торопиться. Да и кто станет торопиться под таким ливнем?

Потребовалось ещё минут десять, чтобы окончательно собраться с мыслями и сдвинуться с места. Мне всегда казалось, что человек не может ни о чём не думать, но это не так. Когда мозг и тело одновременно приходят в точку тотального истощения, мысли в голове чудесным образом растворяются. Там буквально не остаётся ничего, только пустота и одна-единственная мысль — сон.

Как давно я испытывал такую усталость? Не помню. Или просто перестал фиксировать такие дни в голове. Как бы паршиво я себя ни чувствовал, каждое утро всё равно вставал с кровати и отправлялся делать свою работу.

Меня всегда удивляло, на что способен человеческий организм, когда от него действительно что-то требуется. Я убеждён, что именно поэтому врачом стать тяжело. Я был убеждён, что врачами рождаются, а потом год за годом совершенствуют навыки, чтобы становиться лучше, быстрее, профессиональнее.

Я не зря выбрал этот путь. Ведь желание стать лучшим кардиохирургом было таким сильным, что сдаться я себе

просто не позволял.

Жизнь распорядилась со мной так: либо я покорю все вершины на своём пути, либо меня придавят боль и проблемы, которые сопровождали на протяжении всего взросления.

Мама рассказывала, как я с раннего детства спасал всех дворовых мальчишек и таскил их на себе в больницу, когда они до крови разбивали колени и локти. Это были мелочи, но мне так сильно хотелось спасти кого-то, что я не упускал шанса проявить себя героем.

Сейчас смешно вспоминать, как из-за какой-нибудь царапины я требовал немедленно показать пострадавшего врачу. Спустя годы я понял, как глупо было отвлекать врачей такими мелочами, пока сам не оказался на их месте.

Мне приходилось встречать подобных маленьких героев в нашем приёмном отделении, но я всегда старался уделить им должное внимание, потому что помнил, как сам ненавидел грубых и замученных медиков, которые выгоняли меня вместе с моими «пациентами».

Всегда можно найти нужные слова, дополнительную пару рук или возможность помочь даже с разбитой коленкой. Главное — желание и внутренняя убеждённость, что даже ссадины у непутёвых подростков иногда требуют внимания врача.

Как бывает: становишься именитым хирургом и думаешь, что зашить порез — это уже не по статусу. Зачем тратить на это время? Но я всегда напоминаю себе, что за любым, даже

самым маленьким порезом стоит целая история.

Открыв дверь своей квартиры, я осторожно закрыл её и прислонился к ней спиной. Прохлада окутала тело, и слабость накрыла с новой силой.

На часах 10:00 — прошло почти девять часов с тех пор, как я проснулся в комнате отдыха и отправился спасать людей с большими и маленькими травмами.

— Ты вернулся? — оторвав взгляд от пола, я посмотрел в сторону родного сонного голоса. Просто кивнув в ответ, я поплелся в свою спальню. Мне были необходимы душ и сон.

— Сколько на этот раз? Двадцать, тридцать часов? — голос не унимался, а я, ухмыльнувшись, упал лицом на кровать.

Кажется, я понимал, что должен ответить. Может быть, как-то оправдаться, но сил на то, чтобы вымолвить хотя бы слово, не находил.

Почувствовав, как с меня стянули ботинки, я благодарно улыбнулся — или мне это уже снилось. Реальность смешалась с миром сновидений, умиротворение прокатилось по телу, распространяя россыпь мурашек по коже.

Кажется, душ не так уж и важен, потому что мой мозг решил, что поспать нам важнее.

Всё — завтра.

— Повторю свой вопрос. Сколько часов ты вчера отработал? — спросил Киллиан.

Вытирая голову полотенцем, я с улыбкой посмотрел на сына.

— Детка, я уже большой мальчик, прекрати меня отчитывать.

Я присел за стол и почувствовал насыщенный запах кофе. Желудок проснулся и напомнил: сна и горячего душа недостаточно, чтобы функционировать. — А вот за кофе спасибо.

Приподняв теплую кружку в знак благодарности, я сделал жадный глоток. Напиток обжег гортань, и я вздрогнул.

— Доктор Палмер, такими темпами вы завершите свою карьеру совсем скоро, — Килли тоже сел за стол и принялся завтракать.

— Ты совсем в меня не веришь.

Было время, когда я мог выжить пару дней на трёх кружках крепкого кофе. Однако стоит признать, что когда мне перевалило за тридцать пять, так делать уже не выходило. Нельзя сказать, что парень был в чём-то не прав.

— Как дела в колледже? Так что решил насчёт практики? — спросил я, переводя тему, и поднял взгляд на сына. Он не решался ответить и боялся сказать мне то, что было у него на уме.

Я положил столовые приборы рядом с тарелкой и ободряюще ухмыльнулся.

— Колись! — его порой нужно было подтолкнуть, чтобы услышать правду.

Киллиан всегда был умным и сдержанным парнем, порой настолько вдумчивым, что это бесило. Характером мы с ним были мало похожи, зато внешне родство отрицать было бессмысленно: такой же высокий, спортивный, с густыми каштановыми волосами и пронзительными зелёными глазами.

— Пап, я не знаю... Вернее, я знаю, но ты будешь против.

Ответ стал очевидным. Он хотел проходить клиническую практику в моей больнице. И да, я был против.

Причин было множество, но одна перевешивала остальные: он должен пройти этот путь сам, раз решил пойти по моим стопам. Конечно, Киллиан закончил колледж раньше сверстников и учился в медицинской школе по ускоренной программе, но врачебная практика вместе с известным отцом-хирургом могла не очень хорошо сказаться на его репутации.

Я не стеснялся и не боялся, что Килли будет работать рядом со мной. Наоборот, мне хотелось поддержать его и помочь. Но хотя бы в начале пути стоило исключить всё, что могло помешать ему добиться успеха самостоятельно. Ответственности и внимания к нему будет больше, если станет известно, чей он сын. Ещё его выдающиеся успехи в учёбе...

— Ты же знаешь, чем это чревато. Уверен, что давление со стороны коллег не убьёт твоё желание стать врачом? Ты и так шагаешь впереди сверстников.

— Ты, как всегда, категоричен. Я сто раз говорил тебе, что мне всё равно, что подумают другие. То, что я сын известно-

го в Сиэтле хирурга, ещё не значит, что я попал в больницу с помощью связей. — Парень опустил взгляд на свою тарелку и тяжело вздохнул. — Вернее, для окружающих — значит. Но это не так. Я проходил отбор на общих основаниях. Лекс до последнего не знал, что я есть в списках, пока не начались личные собеседования, — Килли шумно выдохнул, закончив тараторить, а я подавился кофе и закашлялся.

Киллиан с тревогой взглянул на меня.

— Что? Лекс не знал? Я думал, это его рук дело, — искренне удивился я. Речь шла о моём лучшем друге — шефе хирургического отделения. Для Киллиана он был вторым отцом и временами сильно баловал парня, забывая, что ему давно не пять.

— Нет, в том-то и дело, что я всеми силами скрывал от вас своё желание проходить практику в Холде, потому что вы оба упрямые ослы, — насмешливым тоном сказал Килли.

Я кинул в сына салфетку и засмеялся:

— Ослы?

— А как вас ещё назвать? В городе нет места лучше, чем ваша больница, чтобы стать настоящим врачом. Вы это знаете и без меня.

Что сказать? Не поспоришь.

Госпиталь был одним из лучших медицинских учреждений Северо-Запада с хирургами всех профилей и возможностью учиться у лучших в своём деле. Но я думал, что сын уедет в Вашингтон или Нью-Йорк, а он настойчиво не желал

покидать меня. Конечно, моё отеческое сердце не могло не радоваться этому, но желание оградить его от лишних бед перевешивало.

— Детка, это твоя жизнь — решение за тобой. Но у нас будет сложно, особенно из-за возраста: к тебе будут присматриваться внимательнее, — я размял шею и бросил взгляд на часы.

— Я знаю! Что поделать — я слишком умный. — Сын нервно засмеялся. — Ты думаешь, я не перебрал сотни вариантов? В конце концов, я мог бы уехать к маме в Нью-Йорк, но не могу. Пап, правда, не могу...

Он склонил голову, пряча взгляд. Я взял Килли за руку и крепко сжал её.

— Я поддержу любое твоё решение, но с одним условием. Я хитро улыбнулся.

— Каким? — Киллиан посмотрел на меня с непониманием.

— На работе никто не должен знать, что ты мой сын. Там я для тебя доктор Палмер, окей?

Киллиан прыснул и начал заливисто смеяться.

Господи, как же я его обожаю. Задержав взгляд на его лице, я задумался. Иногда мне не верилось, что этот взрослый, умный и красивый парень — мой сын.

— Пап, половина больницы знает, кто я такой. — Киллиан как ни в чём не бывало продолжил жевать и со смехом взглянул на меня.

Закончив завтрак, я начал убирать со стола грязную посуду и развернулся к парню спиной.

— Твои коллеги по практике этого знать не будут. Хирургию будешь проходить под фамилией своей мамы, — я проинструктировал Килли и оглянулся на него через плечо. Он молча кивнул, но всё равно ухмыльнулся.

Почему у меня было такое чувство, что этот парень что-то задумал?

Глава 2

Пол

Холодный ветер хлестал по лицу, а в ушах играла энергичная мелодия. Музыка мотивировала двигаться быстрее, дыхание стало тяжелее, а в груди уже ощущалось знакомое жжение. Вместе с битами я слышал глухой стук своих ног по асфальту, ощущая вибрацию по всему телу от длительной пробежки.

На улице стоял густой туман, мелкий дождь капал на одежду. Слева от меня пролежала длинная набережная, которая полукругом тянулась на несколько километров вперёд. Справа деревья в парке уже покрылись золотом и сбрасывали увядшие воспоминания о лете. Ритм в наушниках помогал сосредоточиться на словах и звуках музыки, отвлекая внимание от уставшего тела, которое буквально кричало, что пробежка в пять утра не лучшая идея для тридцатидевятилетнего хирурга, который работает по восемьдесят часов в неделю.

Я поднял взгляд на беговую дорожку, пролежавшую по кромке воды, и не видел ничего дальше, чем на метр вокруг себя. Ощущение, что ты бежишь в пустоту, одновременно пугало и будоражило.

Давай же, Пол, осталось немного, — я мысленно подбадривал свой спортивный энтузиазм и взглянул на часы. Оста-

лось пятьсот метров, и намеченное расстояние будет достигнуто. Сегодняшняя тренировка должна была пройти продуктивно.

Назовите это пунктиком на возрасте, но в январе мне стукнет сорок, и это звучало как точка невозврата. Рубеж молодости давно пройден, а ведь в сердце ещё столько трепета, куча желаний и недостигнутых стремлений.

Я отчаянно пытался доказать своему телу, что всё у нас ещё впереди. Относительно здоровый образ жизни и регулярные тренировки должны были держать меня в хорошей физической форме и стабильном эмоциональном состоянии.

Ежедневные пробежки стали утренним ритуалом, который помогал прочистить голову, выбросить все тревоги и начать день с чистого листа, даже если вчера было тяжело. После неожиданно спокойного выходного это был отличный способ вернуться в режим.

Часы завибрировали, оповещая о достигнутой цели: я сбросил темп, чтобы перейти на быстрый шаг. Завершив пробежку, я нагнул, оперевшись руками в колени, восстанавливая сбившееся дыхание. В это время в кармане кофты зазвонил телефон.

Сдернув капюшон с головы, я подставил лицо под капли дождя, наслаждаясь прохладой и дуновением утреннего бриза.

— Доброе утро, любовь моя! — всё ещё пытаюсь отдышаться, я тапнул кнопку на ушной гарнитуре и, приняв вы-

зов, медленно направился в сторону дома.

— Оу, слышу, ты занят. Удивлена, что Пол Палмер развлекается в шесть утра, — глубокий смех на том конце провода заставил меня улыбнуться. — Я могу перезвонить.

— Единственное развлечение, которое мне доступно в это время: пробежка или операция. Этим утром выдалась возможность размять ноги.

Её пошлые намёки веселили меня.

Звонила Лейла — моя лучшая подруга и бывшая девушка. Когда-то, почти двадцать лет назад, между нами действительно были отношения. Потом случилась незапланированная беременность, и в восемнадцать лет нам обоим пришлось слишком быстро повзрослеть и стать родителями.

— Я уже обрадовалась, что у тебя случился секс впервые за... — Лейла выдержала задумчивую паузу, а я терпеливо ждал, пока она «наиграется». — За три... Или нет, стой, шесть месяцев? — по её тону было понятно, что она действительно ждала ответа.

— Лей, ты невыносима. С моей личной жизнью всё в порядке, — ответил я. Хотя звучало так, как будто я убеждал в этом самого себя.

В какой-то степени так оно и было, но признаться самому себе в этом? Ни за что.

— Родной, ты можешь обманывать самого себя, но не меня.

Как она это делает?

— Ну, об этом позже, я вот по какому делу: на следующей неделе у меня конференция в Сиэтле, могу я остановиться у тебя?

Удивительно, что после стольких лет дружбы она всё ещё оставалась вежливой. А ведь знакомы мы почти с рождения.

— Напомню, у нас общий сын, и ты задаёшь глупый вопрос. Думаешь, я позволю тебе ночевать на неудобной гостиничной кровати?

Я открыл дверь в квартиру. Включив свет, заметил на столике в прихожей записку.

Он всё ещё предпочитал сообщениям бумажные весточки.

Любитель оставлять послания, — промелькнуло в голове, и я ухмыльнулся, когда прочитал записку сына. Килли сообщал, что он будет в больнице, и мы встретимся уже там.

— Я ценю твою доброту. Спросила просто из вежливости. А что ты ухмыляешься?

Голос Лей вернул меня к нашему диалогу. Положив ключи и бумажку на столик, я стянул с ног кроссовки.

— Мы с тобой сделали удивительного человека.

— Спорить не буду, но в чём дело?

Лейла гремела чем-то на фоне.

Эта женщина всегда была в движении, спешила и ни на секунду не останавливалась. Наверное, поэтому у нас ничего и не вышло в романтическом плане. Мы оба были слишком упрямыми, слишком самостоятельными и слишком молоды-

ми, чтобы ещё и пытаться уживаться как нормальная пара. В восемнадцать лет нам хватало забот и без попыток изображать влюблённых.

— Он до сих пор пишет мне записки.

Парню двадцать один, но он ни разу не оставлял меня в неведении о своих планах. Привычка оставлять записки по всему дому появилась у него примерно в пять лет, когда Килли научился писать. Его так забавлял процесс и волновало ожидание моей реакции, что это стало своего рода нашей с ним традицией.

— Это слишком мило, чтобы быть правдой. Я так по нему скучаю, Пол, — Лейла грустно вздохнула и замолчала.

Я понимал её как никто другой, ведь Килли жил со мной только последний год. Раньше это я был тем родителем, который постоянно мотался в Нью-Йорк, чтобы урвать хоть немного времени с сыном.

— Понимаю, но теперь твоя очередь скучать и приезжать в Сиэтл.

Мы одновременно засмеялись.

— Прилетаю в субботу, в десять. Встречать не надо, — сказала Лей, на что я нервно хохотнул. Интересно, что должно произойти, чтобы она перестала сопротивляться?

— Буду на парковке. Целую, — я положил трубку, прежде чем Лейла успела что-то ответить. Я не желал принимать возражений, да она и так это знала.

Наверное, нам удавалось сохранить такие тёплые взаимо-

отношения, в том числе благодаря тому, что между нами существовало одно правило, которое нарушать было подобно смерти — «три звонка». Если после трёх звонков кто-то из нас не отвечал без предупреждения, это могло значить только одно — либо ты умер, либо желаешь подорвать доверие в семье. И неважно, что семьёй в традиционном смысле слова мы никогда не являлись. Всегда знали, где мы и что с нами происходит.

Киллиану никогда не приходилось звонить трижды.

Через час, переодевшись в медицинский костюм тёмно-бирюзового цвета, я вышел из раздевалки. На ходу надевая белый халат и прикрепляя свой бейдж к карману брюк, я здоровался с проходящими мимо врачами.

Больница была местом, где мне никогда не приходилось придумывать, кем быть. Здесь всё было понятно: проблема, решение, результат. Я слишком долго шёл к этой точке, чтобы жаловаться на то, что работа забирает большую часть жизни.

Я невероятно любил свою работу, потому что делал то, что умею, потому что пришёл в ту точку, которой стремился достичь долгие годы.

— Доктор Палмер, вторая операционная забронирована, мисс Бил готовят, — поздоровавшись, сказала Нора, административная сестра. Я благодарно кивнул и отправился в предоперационное помещение.

— Совсем забыла, вас вызывал доктор Белард, — вдогонку крикнула Нора.

Он, как всегда, вовремя. Подождёт.

Неужели глава хирургии не знал расписания операций на день?

— Я на операцию, зайду позже, — бросил я в ответ и распахнул двери операционного блока.

Механические действия, которые я совершал каждый день, были настолько мне знакомы, что я делал их на автомате: снимал халат, надевал любимую шапочку с китами и направлялся в операционную.

Пациентка уже была на столе.

Мне предстояла стандартная транскатетерная имплантация аортального клапана, но лёгкий трепет снова пронзал каждую клеточку тела, когда я заглянул через стекло в комнату, где суежилась операционная бригада, а у стола уже стоял интервенционный кардиолог.

Стены там были выкрашены в серый и бирюзовый цвета, вокруг расставлено множество приборов, а в центре стоял большой операционный стол. Помещение было таким знакомым: яркий свет на потолке привычно слепил глаза, а звуки аппаратов жизнеобеспечения смешивались со скрежетом металлической тележки, которую медсестра Дилан двигала к операционному столу.

Спустя мгновения я посмотрел на свои руки, которые уже подставил под включённый кран, и понял, что застыл на пару

секунд, погруженный в свои мысли. Я быстро и тщательно помыл руки, поднял их, не отряхивая, и бедром нажал на кнопку открытия дверей.

— Пол, к тебе на операцию направили ординатора. Ассистировать, — медсестра надела на меня халат и перчатки.

— Тогда почему его ещё здесь нет?

Признаться, я не очень любил работать с ординаторами, несмотря на то, что наша больница была учебной.

Медсестра пожала плечами и вернулась к своим делам.

В присутствии молодого врача приходилось распылять своё внимание, предоставляя ему возможность учиться на практике, а мне переживать за каждое неловкое движение, которое ассистент может совершить в операционной.

Пока я размышлял о том, чему могу научить молодого хирурга на малоинвазивной операции, двери распахнулись. Я поднял глаза, следуя за звуком. Миссис Бил подавали наркоз, а я готовил аппарат, когда комнату заполнило тяжёлое дыхание и бархатистый женский голос.

— Прошу прощения за опоздание. Меня поменяли с доктором Тейлор, и пришлось бежать, — оправдалась вошедшая девушка.

Из-за медицинской формы и маски я не мог как следует разглядеть ординатора, нарушившую рабочую тишину, а её голос почему-то заставил меня поднять взгляд быстрее, чем требовала ситуация.

Я поправил маску на лице и снова опустил взгляд на опе-

рационное поле. Необходимо было сосредоточиться.

— Значит, бежать нужно было быстрее. У вас пять минут, чтобы помыть руки и занять своё место за столом, доктор...
— не поднимая взгляда, сказал я.

Я был почти уверен, что видел её впервые, хотя большинство ординаторов этого года я знал хотя бы в лицо. Видимо, она каким-то образом до сих пор умудрялась не попадаться мне на глаза. С моей памятью явно были какие-то проблемы. Сначала не узнал Дэймона в комнате отдыха, теперь это.

— Грейвс. Рикарда Грейвс.

Ах, вот оно что. Рикарда.

Я как будто пробовал её имя на вкус, повторяя его в голове. Такое действительно сложно забыть.

В следующее мгновение девушка уже скрылась за стеной и направилась мыть руки. Рикарда Грейвс. Ординатор последнего года, судя по нашивке на форме. Кажется, на ротации в кардиоторакальном отделении я её действительно никогда не видел. Но вдаваться в расспросы не было времени: впереди меня ждали ещё пять пациентов.

День обещал быть долгим.

— Я готова, доктор Палмер. Что поручите?

В её голосе обнаружилась едва заметная хрипотца, которую я почему-то отметил, когда она заняла место напротив меня за операционным столом.

Почему-то мне внезапно захотелось немного развлечься.

— Включите музыку. Что-нибудь из Austin Jenckes, пожа-

луйста, — озвучил просьбу я и не смог сдержать улыбку. Думаю, она это заметила.

В следующее мгновение помещение наполнили звуки мелодии, которая пробуждала во мне энергию. А она молодец, даже не стала сопротивляться и говорить, что это не её работа быть диджеем в операционной.

Проверка номер один — пройдена.

Закончив все подготовительные процедуры, мы приступили к процедуре. Рикарда внимательно следила за моими действиями через экран.

— Путь проводника? — спросил я, напоминая себе, что работаю в учебной больнице.

— Бедренная, наружная и общая подвздошные, затем аорта и аортальный клапан.

— Хорошо. Следите за экраном, — я инструктировал ординатора и неотрывно смотрел на монитор рентгеновской установки, контролируя свои движения.

Рика, надо признать, вполне уверенно справлялась с задачами, которые я ей давал: безошибочно просила у медсестры нужные инструменты, уверенно контролировала проводник под моим руководством, не сомневалась в ответах на вопросы.

— Располагаем биопротез внутри поражённого клапана. Здесь особенно важна точность. Слишком высокое или низкое положение протеза может привести к серьёзным осложнениям.

— Доктор, с учётом её возраста вы ожидаете, что протез вообще придётся когда-нибудь менять? — спросила Рикарда. Она проявляла профессиональный интерес, что вызывало во мне чувство уважения.

— Клапан рассчитан на длительный срок, так что вероятнее всего, повторная операция мисс Бил не понадобится, если, конечно, не возникнут непредвиденные обстоятельства.

Возраст пациентки уже перевалил за семьдесят, поэтому вероятность того, что срок службы клапана когда-нибудь станет для неё проблемой, была невелика. Но гарантий в нашей профессии не существовало. Порой сердце такое хрупкое, что даже недюжинные усилия не в силах его сберечь.

Кардиолог рядом со мной подтвердил позицию протеза, и я снова перевёл взгляд на экран. Рика глубоко вдохнула и очень медленно выдохнула. Я не смог остановить себя и не бросить на неё беглый взгляд: светло-карие глаза с напряжением смотрели на монитор, ткань маски едва двигалась в такт ровному дыханию, а в руках не было ни малейшей дрожи.

Процесс шёл достаточно гладко, мы обсуждали шаги, которые я совершал, ординатор помогала мне закончить привычные манипуляции. Внезапно рядовая операция стала интереснее.

Только к концу я заметил, что девушка стоит на подножке, чтобы доставать до стола на нужном уровне. Она была примерно на голову ниже меня.

Закончив процедуру, я отошёл от операционного стола на шаг и стянул перчатки с рук. Разминая пальцы, бросил взгляд в сторону Рикарды, которая непонимающе смотрела на меня.

— Закрывайте доступ. Система уже стоит. Посмотрим, насколько уверенно вы работаете.

Судя по тому, что я успел увидеть за время операции, справиться она должна была. Но почему-то желание проверить ординатора на эмоциональную устойчивость перевешивало, и я не упустил возможности уколоть её.

— Да, доктор Палмер, — с нажимом ответила Грейвс и попросила нужные инструменты у медсестры.

— И не забудьте заполнить отчёт. Также проследите, чтобы пациентку доставили в интенсивную терапию и взяли необходимые анализы, — мои указания так и сыпались, а Рика молча кивнула и приступила к работе.

— Я проверю её через час.

Сбросив халат в урну, я вышел в умывальник и наконец-то выдохнул.

Почему эта Грейвс вообще задержалась у меня в голове?

Я вспомнил едва заметный запах мяты и бергамота, который уловил, когда она встала напротив. Он как будто перебил стойкий запах больницы, годами живший у меня в носу. Я сорвал маску с лица и глянул в окно операционной. В отражении стекла я заметил, что Рикарда на секунду подняла голову в мою сторону. Это странным образом тревожило

меня.

Пришлось встряхнуть голову и отогнать ненужные мысли. Я сполоснул руки и снова бросил взгляд в окно. Ответственный профессионал внутри меня должен был проверить, всё ли ординатор делает верно, поэтому я не мог покинуть пределы операционной раньше.

Рика сосредоточенно работала с системой закрытия доступа, выполняя мои указания методично и без лишней суеты. Завершив свою работу, ординатор попросила медсестру перевести мисс Бил в палату интенсивной терапии, а в следующее мгновение спрыгнула с подножки.

Я едва сдержал улыбку из-за этого зрелища, но тут же осознал, что всё ещё находился в умывальнике.

Что с тобой, Палмер?

В тот момент, когда двери операционной открылись, я уже скрылся за поворотом хирургического блока.

Глава 3

Рикарда

— Зачем вы послали меня на операцию к этому... этому...

— злость сочилась из каждой клеточки моего существа. — Это какой-то розыгрыш, признавайтесь!

Я бросила гневный взгляд на своих друзей — Захари и Киару. Хотя в данный момент мне сложно было называть их друзьями.

Я с самого начала чувствовала подвох в этой глупой затее.

Утром Захари попросил меня поменяться с другим ординатором — Джейм Тейлором — в кардиоотделении, уверяя, что договорился со старшим ординатором и Палмеру всё равно, кого из младшего персонала пришлют на ассистирование. Вся проблема заключалась в том, что Тейлору очень хотелось попасть на операцию. Ребёнка должны были извлечь путём кесарева сечения, а из-за выявленного врождённого порока сразу после рождения планировалось вмешательство детских хирургов. Хотя именно я должна была присутствовать при родах и ассистировать детскому хирургу.

Действительно, ординатор пятого года ведь никогда не видел, как проводят кесарево сечение. И совершенно неважно, что в данном случае оно было лишь первым этапом сложной операции у новорождённого.

Я согласилась только потому, что Тейлор уже несколько дней обрабатывал Захари, зная, что меня уговорить будет сложнее. Иногда желание помочь людям было моим самым большим недостатком.

Господи, что я за дура. Купилась!

— Милая, ну какой розыгрыш. Тей правда хотел присутствовать на этих родах. Лайм, конечно, удивилась смене ординатора, но выяснять, что к чему у неё времени не было. Как мы и рассчитывали, — оправдывался Захи. Только я не рассчитывала стать предметом насмешек у напыщенного, самоуверенного и просто наглого хирурга.

Кем он себя возомнил? Выглядел слишком молодо для человека, который командовал операционной так, словно она принадлежала ему.

— Я уже раз купилась на твои рассказы. Говори, зачем ты отправил меня на операцию к этому доктору Палму или как там его, — намеренно исковеркав его фамилию, я зло глянула на друга.

Но правильную фамилию я, конечно, прекрасно запомнила. Я не видела его без маски, но его глаза с этими чертовски насмешливыми искрами... Особенно раздражало, что я вообще продолжала о них думать. Я списала это на злость.

Стянув операционную шапочку с головы, я упала на диван в ординаторской и обиженно сложила руки на груди. Не понимаю, в чём была выгода Захари. Я пристально посмотрела на друга и прищурилась.

— Милая, прекрати так на меня смотреть. Я говорю тебе правду, — в доказательство он прижал руку к груди. Чёртовы сердца, я ведь начинала ему верить.

— Захари, как там наша... — Кия ворвалась в комнату отдыха, видимо, не ожидая застать в ней меня. Девушка резко остановилась в дверях и виновато взглянула в мою сторону, после чего кинула многозначительный взгляд на Захи.

Предатели.

— Вот! Я так и знала. Кажется, в этот момент наша дружба пошла прахом. Благодаря вам! — почти прокричала я.

На секунду повисла тишина, и внезапно по комнате прокатилась волна смеха. Они смеялись надо мной, серьёзно?

Ещё пару секунд я пыталась продолжить злиться на них, но, видя, как Захари схватился за живот и упал со стула, на котором сидел пару минут назад, я не смогла сдержать смех. Втроем мы составляли безумную компанию измождённых сменами ординаторов, которые уже вышли на финишную прямую в гонке под названием «стать хирургом».

Как можно было злиться на людей, которые приютили меня, когда я осталась совсем одна в большом и мрачном городе. Они вдвоем стали моей семьей, ведь до родителей было несколько тысяч миль.

Почти всю взрослую жизнь я твёрдо шла к одной цели — стать детским хирургом.

— Кстати, почему ты так разозлилась на нас? — Киара повернула ко мне голову. После марафона беспричинного сме-

ха мы лежали на полу ординаторской и смотрели на флюоресцентный потолок, закинув ноги на шкаф.

— Да, почему? — Захари развернулся ко мне боком, и я оказалась между двух огней. Иначе их не назовешь. Я упоминала, что они ненормальные?

— Потому что этот ваш кардиохирург напыщенный и приторно-вежливый, хотя за каждым его «пожалуйста» прекрасно слышалось презрение.

Я нисколько не преувеличивала.

— «Пожалуйста» то, «пожалуйста» это. Ужас, — я скривила лицо в отвращении, а Захари усмехнулся. Кия протира́ла очки и следила за нами.

— Мне он показался даже милым.

— Ему сколько? Тридцать? Уверена, что он недавно получил сертификат и теперь считает себя богом операционной, — активно жестикулируя, жаловалась я друзьям.

Перед глазами появились его руки, обтянутые черными хирургическими перчатками. Длинные пальцы уверенно двигались в операционном поле и работали с проводником. Я крепко зажмурилась, чтобы прогнать образ из головы.

— Даже не знаю. Он вроде как глава отделения, — сказала подруга, и я ошарашенно взглянула на Кию.

Заведующий отделением не мог быть так молод. Под маской он казался едва старше тридцати, поэтому я решила, что ординатуру он закончил совсем недавно, хотя должность главы отделения с этим предположением совершенно не вяза-

лась.

Либо он выглядел моложе, либо я только что выставила себя идиоткой.

Если он действительно заведовал кардиоторакальной хирургией, становилось понятно, почему вся бригада сегодня ориентировалась именно на него.

Захари резко поднялся на ноги и протянул нам с Киарой руки.

— Подъём, у меня обход через десять минут. А Бек ещё надо успеть к доктору Беларду.

— Не напоминай, — почти обреченно отозвалась она.

В эту больницу я пробивалась кровью и потом, кроме шуток.

За место в этой больнице мне пришлось всерьёз побороться. Но одно я знала точно: практику я должна была проходить у доктора Альварес — лучшего детского хирурга в Ситле.

Поднявшись на ноги, я внезапно осознала, что за всё время ординатуры нечасто сталкивалась с кардиоотделением и его сотрудниками. Первые два года ординатуры прошли в другом клиническом центре. В Холд я перевелась почти три года назад, переходя между обязательными хирургическими ротациями, а последний год практически поселилась в детском отделении у Альварес. С кардиохирургией наши маршруты почти не пересекались.

Имя Палмера я, конечно, слышала. Просто никогда не ин-

тересовалась им настолько, чтобы знать его в лицо. А уж связать эту фамилию с мужчиной из операционной мне и в голову не пришло.

— А у тебя какие планы? — спросила Кия, натягивая белый халат на плечи и поправляя копну непослушных дредов и кос.

Я взглянула на свой халат, который держала в руках и коварно улыбнулась.

— Моя смена закончена, могу отправляться спать, — я вздернула брови и победно оскалилась. В ответ Захари издал страдальческий стон и направился к двери.

— Да, я завидую. Не хочу ничего слышать, увидимся дома.

Самое прекрасное то, что мы давно не жили вместе, а он всё равно произносил эту фразу. У нас троих дома было три: мой лофт на верхнем этаже старого здания на Брейкер-стрит, апартаменты Кии, которые прикупили её обеспеченные родители, и частный дом Захари, который он делил со своими школьными товарищами.

Позже, когда друзья разбрелись по своим делам, я вставила наушники в уши и погрузилась в переливы энергичного трека. Я покачивала головой в такт гитарного риффа и спустилась к сестринскому блоку, чтобы заполнить электронные карточки пациентов.

Стоит ли говорить, что домой отправиться мне так и не удалось. Мой наставник, доктор Миранда Альварес, поручи-

ла мне заполнение карточек со словами: «*Хирурги не только режут людей, они ещё отличные бюрократы*». Но, как бы мне ни хотелось заниматься бумажной волокитой, я всё ещё оставалась ординатором.

Музыка поддерживала мой боевой дух, поэтому я старалась ускориться, чтобы закончить работу как можно быстрее. До начала следующей смены оставалось меньше восемнадцати часов.

— О, вот и мой сегодняшний ассистент. Рикарда, верно?

Услышав этот голос, мне совсем не хотелось поднимать голову. Я сильнее вжала шею в плечи и сделала вид, что не услышала доктора Палмера из-за музыки, которая играла у меня в ушах.

— Отлично, ординаторы ещё и оглохли. Доктор Грейвс, — он раздражённо фыркнул, а я продолжила делать вид, что не слышу его тяжёлого баритона. Хуже всего было то, что голос я уже узнала.

Я подняла глаза на врача с самым невинным взглядом, на который была способна.

— Доктор Палмер, вы что-то сказали? Простите, — виновато улыбнулась.

Ровно в то мгновение, когда улыбка появилась на моём лице, я замерла. Он был без маски и операционной шапочки, в белом халате и строго прищурился, глядя на меня сверху.

Пол Палмер был не меньше шести футов четырёх дюймов ростом — широкоплечий, с невероятно пронзительны-

ми зелёными глазами. Густые каштановые волосы уже спадали ему на лоб и виски, губы изогнулись в саркастической усмешке, кажется, вполне привычной для него, а его руки... Без маски он выглядел старше, чем мне показалось в операционной, но всё равно недостаточно старым для должности, которую занимал.

Ну тридцать два?

Я снова обратила внимание на его руки. Наверное, это профессиональная деформация, ведь руки хирурга — на вес золота, а если они ещё и красивые. А от его ладоней мне почему-то было сложно отвести взгляд. Без перчаток я увидела его длинные аристократические пальцы, загорелую кожу и кольцо на указательном пальце правой руки.

Внезапно он поддел этим самым пальцем провод моих наушников и слабо дёрнул — я вынула их из ушей. Его серьезное выражение лица сменилось надменной ухмылкой.

— Мисс Грейвс, вот процедурная карта пациентки, которую мы вместе оперировали. А раз вы не заняты ничем серьёзным... — он окинул меня взглядом, но задержавшись на глазах, продолжил: — В данный момент, прошу уделить внимание вашим обязанностям: раз уж сегодня вы заменяли доктора Тейлора, закройте ассистентскую часть записи. Благодарю, — он бросил увесистую папку на стол перед моим лицом и, резко развернувшись, ушел.

А я всё ещё неотрывно смотрела, как халат Пола развеивается от стремительной ходьбы и как движутся его плечи под

одеждой.

Только спустя мгновение до меня дошло, что только что произошло.

Чёрт возьми, что со мной?

Почему я вообще стояла и молча смотрела ему вслед? Ладно, свою ассистентскую запись я закрою — тут Палмер был прав. Но всё остальное пусть разбирает Тейлор. Я и так сегодня сделала за него достаточно. На остальную бумажную работу я свои драгоценные часы сна отдавать была не намерена.

— Проклятье, — прошептала я себе под нос и встала из-за стола администратора, за которым работала последние пару часов.

Шея и ноги так затекли, что лёгкое покалывание пришлось по всем мышцам в теле. Я прикрыла глаза, дала себе пару минут, чтобы взять себя в руки, схватила папку и направилась в отделение Пола Палмера.

Почти ворвавшись в широкие стеклянные двери с надписью «Кардиоторакальное отделение», я быстро нашла взглядом виновника моих сегодняшних бед.

— Тейлор, свою часть я закрыла. Остальное твоё. Я тебя подменила в операционной, а не усыновила.

Сегодня, по доброте душевной, я совершила ошибку и расплачиваться за неё не собиралась. Я положила папку на диван рядом с Тейо — большинство ординаторов называли его именно так — и предусмотрительно подоткнула её ему

под руку. Затем оглядела помещение.

Отделение кардио выглядело почти так же, как и другие в этой больнице: бежевые стены, современный и лёгкий интерьер, бирюзовые цветовые акценты. Стеклянные раздвижные двери палат общего назначения были зашторены на ночь изнутри, в коридоре основное освещение уже приглушили.

— Что это? — спросил Тейлор. На секунду мне показалось, что сегодня случился апокалипсис и все разом решили надо мной поиздеваться. Моя нервная система давала сбой.

— Что это? Это твоя работа! Заполняй сам эту чёртову карту и отчитайся своему дорогому доктору Палмеру, — кричать пришлось громким шепотом, потому что пациенты в палатах уже спали, а дежурные находились дальше по коридору.

Джей уже собирался мне ответить, как внезапно остановился на полуслове.

— Что ты молчишь? Я два часа проторчала на операции вместо тебя у Палмера и ещё закрыла свою часть записи. Не считая того, что я подрабатывала диджеем у молодого напыщенного хирурга.

Тейо многозначительно посмотрел на меня и перевёл взгляд мне за спину. Я непонимающе сощурилась и развела руками в вопросительном жесте, как вдруг за своей спиной раздался знакомый низкий голос.

— Меня много как называли, но напыщенным ещё ни разу.

Я медленно развернулась и расправила плечи, чтобы казаться немного выше. Облажаться, так с гордо поднятой головой. Хотя кого я обманываю, рядом с ним я почувствовала себя ребёнком. Он такой высокий... Почему я не заметила этого в операционной?

— Доктор Палмер, добрый вечер ещё раз.

Оставалось сделать вид, что ничего не произошло и как можно быстрее удалиться. Пол остановился рядом и посмотрел на меня сверху вниз. Мне пришлось слегка запрокинуть голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Я почувствовала еле заметный запах кожи и перца, смешанный с привычными нотками больничных лекарств. От его близости я едва заметно вздрогнула.

— В следующий раз, доктор Грейвс, убедитесь хотя бы, что объект обсуждения покинул отделение, — на последних словах он сделал особый акцент и развернулся, чтобы снова уйти.

— Я учту, — тихо ответила я.

— Надеюсь, — бросил он в ответ, даже не обернувшись.

Что за дурацкая привычка прерывать диалог посередине и уходить?

И снова нужный ответ пришёл мне в голову уже после того, как он ушёл.

Спорить не буду, его внешний вид вызывал во мне смешанные чувства: раздражение, волнение и совершенно ненужное любопытство. Адский коктейль из эмоций — это-

го мне ещё не хватало.

Я развернулась к Тейлору, который прятал улыбку за руками, прижатыми к лицу.

— Я тебя убью, — прорычала я как можно тише и быстрым шагом покинула это чёртово отделение.

На следующее утро яркий свет пробивался сквозь задёрнутые шторы: луч солнца падал прямо мне на лицо, отчего я проснулась. Усталость во всём теле не давала пошевелиться, а тяжёлые веки никак не хотели размыкаться.

Музыка заиграла на прикроватной тумбочке, заставляя взглянуть на часы. Звуки песни окончательно разбудили меня. Я поборола порыв выключить колонку и выбралась из постели. Музыка окутала пространство спальни, и мне внезапно захотелось подвигаться.

С зубной щёткой в руках я танцевала по кухне, сделав трек погромче. На припеве, представив щётку микрофоном, с набитым пастой ртом воображала себя настоящей рокершей на сцене какого-нибудь захолустного бара.

Утренние танцы помогли взбодриться и почувствовать, что на самом деле вставать с постели не так уж и неприятно. Я быстро приготовила завтрак и съела его практически на ходу. Потом, натягивая любимые джинсы и худи, одновременно пыталась собрать сумку. Так происходило почти каждое утро перед дневной сменой. Мне было тяжело подняться заранее и собираться никуда не торопясь.

Мой стиль — непредсказуемость.

Я остановилась у входной двери и допивала свой крепкий кофе, оглядывая квартиру.

Мне нравилось, что в моём доме почти не было стен. Одно большое пространство вмещало в себя угловую кухню с кирпичной стеной и столом-островом. Спальная и гостиная зоны почти не были отделены друг от друга: большая кровать, трёхместный диван. Всё это располагалось под сводчатым потолком. Однако моё самое любимое место в доме — это терраса.

Когда я увидела пространство, заставленное цветами, с уличной плетёной мебелью, сомнений насчёт аренды этой квартиры у меня не осталось. Я проводила большинство вечеров на софе среди зарослей папоротника, укрывшись вязаным пледом, попивая вино.

Я улыбнулась собственным мыслям и бросила взгляд на чёрные простыни. Кровать заправить не успевала, кружку помыть тоже — ничего, сегодня важный день и смена ждать не будет, как и пациенты.

Спустя час, переодевшись в медицинский костюм и надев свой белый халат, я торопилась подняться на второй этаж, где располагалось детское хирургическое отделение. Сегодня должна была состояться важная плановая операция, на которой основным оперирующим хирургом была сама доктор Альварес.

Последний год я активно работала в детском отделении и

уже начала погружаться в выбранную специализацию. С Мирандой я взаимодействовала уже не первый месяц, но сегодня впервые должна была не просто ассистировать ей. Альварес собиралась доверить мне часть основного этапа операции.

Сказать, что волнение переполняло меня, — не сказать ничего. Утро выдалось сумбурным: обычно я никогда не опаздывала, но груз ответственности и трепет предвкушения выбивали меня из колеи.

Мне хотелось скорее оказаться в операционной, но при этом я каждую секунду прокручивала в голове этапы операции, которую мне предстояло провести совместно с именитым хирургом. Кажется, я шла к этому дню целую вечность, и ничто не могло испортить мой сегодняшний настрой.

Эмоции переполняли меня настолько, что я не смогла дождаться лифта и побежала по лестнице. Добравшись до второго пролёта, остановилась, чтобы отдышаться и рывком раскрыла двери на этаж. Быстрым шагом я направилась в сторону палаты пациента, но что-то отвлекло меня и заставило оглянуться.

Внезапно я врезалась в стену, а вернее — в крепкую мужскую спину и, потеряв равновесие, упала на колени.

— Ауч, — прошипела я и уже хотела возмутиться на своего обидчика, но сделать этого не смогла.

Высокий и улыбчивый парень наклонился, чтобы помочь мне встать, подавая руку.

— Извини. Первый день, голова где-то не здесь, — сказал молодой человек, и я хихикнула.

Как и у меня.

Я отряхнула свои форменные штаны и поправила халат.

— Ничего страшного, это я не смотрела, куда иду. Обычно я не такая неуклюжая, — я слабо засмеялась, чтобы сгладить ситуацию.

Действительно, как нелепо столкнуться с таким красавцем посреди больничного коридора. Я оглядела незнакомца и ещё раз улыбнулась.

Парень был чересчур загорелым для дождливого Сиэтла, но это так ему шло. На плече висела спортивная сумка, из которой выглядывал край медицинской формы. Чёрные потёртые джинсы обтягивали узкие бёдра, кожаная куртка сидела на нём так, как будто была сшита исключительно для него, но моё внимание привлекли его кроссовки.

Моя слабость: высокие найки, фигурно зашнурованные.

— Крутые кроссовки, — произнесла я вслух, не удержав комплимент при себе, и засмеялась. Парень поддержал меня и покрутил ногами, демонстрируя свою обувь.

— Мои любимые. Я, кстати, Киллиан. Чуть не снёс тебя, а представиться забыл.

— Это я чуть не сбила тебя, но я Рика. Приятно познакомиться! — Я протянула ему руку. Мы обменялись рукопожатием, и повисла неловкая пауза.

На мгновение мне показалось, что это столкновение ис-

портит мне весь день, но настроение стало только лучше. Парень буквально излучал тепло, рядом с ним было так спокойно.

Киллиан первым нарушил тишину.

— Ты врач? — Он оглядел меня с ног до головы. Я последовала за его взглядом и кивнула.

— Врач-ординатор. Осталось семь месяцев до финиша, — я ответила с волнением в голосе. Я считала дни до момента, когда окончу ординатуру и смогу двигаться к своей цели — стать полноценным детским хирургом.

— А я из медшколы на практику, сегодня первый день. Учусь по ускоренной программе. Думаю, будем часто встречаться.

Студент? Где таких симпатяг учат?

Теперь становилось понятно, почему он казался таким молодым. Красивый — спорить бессмысленно, но скорее из той категории мужчин, которых хотелось дружески потрепать по волосам, чем пригласить на свидание.

Внезапно я осознала, что разговор затянулся, но почему-то не могла заставить себя уйти.

— Ты в самом начале, парень. Желаю тебе терпения и удачи, — я ободряюще похлопала Киллиана по плечу и взглянула на него.

Только сейчас я заметила его зелёные глаза и выгоревшую светло-каштановую чёлку. Черты лица были грубоватыми, совсем не слащавыми. В меру брутальный, но слишком мо-

лодой, чтобы заинтересовать меня всерьёз.

Семь месяцев до конца ординатуры, Грейвс. Может, всё-таки вспомнишь, куда так спешила? Сосредоточься! — приказала я себе, но уже собираясь уходить, оглянулась.

— Мне пора бежать. Увидимся. Удачного дня, — я махнула ему на прощание и двинулась в палату, в которую, к слову, уже опаздывала.

Глава 4

Рикарда

Операция длилась уже больше двух часов, а я всё никак не могла справиться с волнением. Руки не дрожали, но сосущее ощущение под ложечкой и странное щекочущее напряжение в груди не отпускали.

Я так ждала этого дня и наизусть знала каждую деталь операции. Всегда могла справиться с эмоциями, но сегодня... Я мысленно уговаривала себя собраться и старалась следить за каждым движением рук Миранды.

Она великолепна.

Точность, с которой двигались руки хирурга над операционным полем, завораживала.

— Давление? — спросила Альварес у анестезиолога, не отрывая взгляд от работы.

— Давление стабильное. Остальные показатели в норме.

Я постаралась не выдохнуть слишком шумно. На столе лежала девочка шести лет с крупной кистой общего желчного протока. Операция длительная и сложная, но, зная о профессиональных достижениях доктора Альварес, я не сомневалась, что ей под силу почти всё.

Я готовилась к этой операции больше месяца. С того момента, как наставница заметила мои академические успехи, я всеми силами старалась её не подвести и доказать, что

именно я достойна сегодня стоять с ней за одним операционным столом.

Десять лет. Десять долгих, мучительных, трудных лет, чтобы оказаться в этом моменте. За плечами остались литры пролитых слёз, истерики в больничных туалетах, тысячи часов над учебниками и научными статьями, участие в сотнях операций в качестве ассистента.

Жизнь ординатора не романтична, она не такая, как показывают в фильмах. У нас буквально нет времени на полноценные семь-восемь часов сна, если нам вообще удаётся поспать. Порой мы забываем поесть, живём на кофе и случайном сэндвиче и проводим большую часть жизни в стенах больницы и учебных классов.

Личная жизнь? Что это такое? Забудьте. Я не помню, когда меня в последний раз целовали. Но всё это было для меня неважно, ведь я всегда чётко осознавала, чего хочу.

Сейчас я ещё яснее понимала, почему выбрала именно этот путь.

Холодный свет операционных ламп ложился на крошечное тело пациентки. На мониторе анестезиолога ровно бежала зелёная линия сердечного ритма.

Под увеличением хирургических очков ткани казались почти невесомыми.

— Отсос, — спокойно произнесла доктор Альварес. Я осторожно убрала кровь из операционного поля.
— Ретрактор чуть выше... нет, ещё на миллиметр.

Я как можно тише втянула воздух через нос.

Осторожно сместив ретрактор выше, я стараясь не выдать волнения ни одним лишним действием. Каждое движение казалось слишком резким.

Доктор Альварес неторопливо выделяла общий желчный проток, бережно освобождая его от соседних структур. Она на мгновение подняла на меня глаза.

— Видите кисту?

Я наклонилась ближе, стараясь различить границы образования. Округлое расширение протока едва заметно отличалось по цвету от окружающих тканей.

— Да.

Короткая волна удовлетворения разлилась внутри, но я не позволила себе расслабиться. Я продолжала внимательно выполнять указания наставницы.

— Хорошо. Не теряйте её из виду.

Я кивнула.

Облегчение.

То, что мне удалось самостоятельно различить границы кисты, придало уверенности. Как оказалось, напрасно.

Через несколько минут, слишком торопясь помочь, я протянула сосудистый зажим раньше, чем наставница закончила выделение тканей.

Глупая, глупая, глупая! Мозг тут же подал сигнал бедствия.

Альварес даже не подняла головы.

— Пока рано, доктор Грейвс.

Я не услышала раздражения или упрёка в её голосе, хотя сразу поняла, что совершила ошибку.

Щёки мгновенно вспыхнули под маской.

— Прошу прощения, доктор, — тихо произнесла я.

Меня учили, что даже малейшая оплошность в операционной может иметь серьёзные последствия.

— Не извиняйтесь. Наблюдайте.

Я заставила себя замолчать. Сейчас было не время позволять стыду занимать место в моей голове.

Успокойся, Рика. Будь бдительна! Я буквально кричала на себя.

Следующие полчаса я следила за каждым её движением так внимательно, будто от этого зависела вся операция.

Когда киста была полностью удалена, доктор Альварес промыла операционное поле и приступила к формированию соединения между печёночным протоком и подготовленной петлёй тонкой кишки. Я следила за тем, как один за другим ложатся швы, пока она не остановилась и не подняла на меня взгляд.

— Доктор Грейвс.

Я тут же посмотрела на неё.

— Закончите переднюю стенку анастомоза.

На мгновение мне показалось, что я ослышалась. В операционной стало непривычно тихо. Даже анестезиолог на секунду отвёл взгляд от мониторов. Уверена, что удивление

слишком ясно отразилось на моём лице.

— Я жду, — спокойно повторила Альварес.

Соберись! Тебе доверяют. Действительно доверяют. Не подведи.

Я глубоко вдохнула. Секунда, чтобы собраться с мыслями и отпустить всё лишнее. Есть только я и мои руки, которые точно знают, что нужно делать.

Первый шов.

Второй.

Третий.

Иглодержатель в пальцах казался тяжелее обычного.

Я двигалась медленно, почти не дыша, стараясь, чтобы каждый стежок лёг на одинаковом расстоянии от предыдущего. Я повторяла это движение столько раз на симуляторах, что могла выполнить его с закрытыми глазами. У меня почти всегда получалось безупречно, но действовать в условиях реальной операционной, на живой ткани — совсем другое.

Когда последний узел был затянут, доктор Альварес несколько секунд молча осматривала анастомоз.

Потом едва заметно кивнула.

— Хорошая работа, доктор, — Миранда Альварес произнесла всего три слова.

Но именно ради них, казалось, стоило пережить все бессонные ночи последних десяти лет.

Завершая операцию, я вновь и вновь возвращалась к мо-

менту, когда слишком рано протянула зажим. Альварес заметила мою ошибку, но, похоже, увидела и то, как быстро я смогла собраться.

Я старалась запомнить каждую деталь, чтобы в будущем не позволить волнению брать надо мной верх.

Спустя еще полчаса мы вместе с Мирандой вышли в предоперационную, где избавились от халатов и масок. Наблюдая через прозрачное стекло за тем, как медсестры готовят малышку к переводу в послеоперационное отделение, я тщательно мыла руки, пытаюсь избавиться от липкости, оставшейся после перчаток.

Это были одни из самых напряжённых часов за время моей ординатуры. Усталость неожиданно разлилась по телу, тяжестью оседая в мышцах.

— Вы хороший хирург. Но перестаньте каждую минуту доказывать, что заслуживаете здесь находиться, — произнесла Миранда, придерживая дверь операционного блока. Доктор слабо улыбнулась и вышла.

Что она делает со мной?

Осознание её слов пришло не сразу, но мне определённо было над чем подумать.

Может быть, я и правда слишком стараюсь?

После смены я подъехала к дому Захари на своём стареньком жёлтом «Фольксвагене Жук» и припарковалась на свободном месте на подъездной дорожке. Модель девяносто де-

вятого года когда-то была яркой вспышкой на дорогах Сиэтла. Сейчас мой Жук — лишь бледно-жёлтое воспоминание, но я всё равно очень сильно его любила.

Захлопнув дверцу, я закрыла машину ключом, придерживая на плече набитую вещами сумку. Нежно похлопав авто по капоту, я направилась в дом.

— Жучок ещё не развалился, катая тебя, — крикнула Кия с кухни, услышав, что я зашла в гостиную.

— Ой, отвали, — бросила я и упала на огромный плюшевый диван.

Ноги и руки были ватными, всё тело гудело от усталости. Я была так счастлива оказаться в горизонтальном положении, что протяжно застонала. Никто не обратил на меня внимания, потому что понимал и почти каждый день испытывал то же самое.

Мне не нужно было приглашение, чтобы приехать к Захи или Кии — мы были семьёй. Существовали на три дома, делились переживаниями и радостями, помогали друг другу, просто молчали рядом.

К Захари мы отправлялись, когда нуждались в уюте и заботе. Его дом был большим, гостеприимным и тёплым. У Кии мы оставались, когда хотелось ощутить шепотку роскоши: её папа был владельцем известной сети ресторанов на западном побережье. А у меня собирались после особенно тяжёлых смен — я жила ближе всех к Холду, и добираться дальше обычно уже не было сил.

— Где Коннор и Так? — спросила я о соседях Захари и приподняла голову с подушки, взглянув на него.

На нём были домашние клетчатые штаны и толстовка с логотипом Госпиталя. Волосы привычно собраны в высокий пучок на затылке, а прозрачные глаза сияли.

Не помню, когда видела его грустным или подавленным. Этот парень буквально излучал свет и мог найти позитив даже в самой мрачной ситуации. Завидный энтузиазм.

— Коннор наверху, ждёт кого-то. Он вроде собирался куда-то со знакомым из университета, а Так у Мэри-ли, — Захари сел рядом со мной на диван, и я быстро переползла так, чтобы устроить голову у него на коленях.

Он начал ласково перебирать мои цветные косы длинными пальцами. Он всегда так делал, когда знал, что я вымотана.

Как приятнооо! Табун мурашек пополз по рукам и предплечьям.

Только сейчас я заметила, что на журнальном столике уже стояли пицца и огромная миска овощного салата с большим количеством зелени — как я любила.

Не понимаю, как можно было не обожать этих людей. Они знали, что я вернусь после сложной смены, и уже приготовили ужин, позаботившись о моих предпочтениях.

— Салааат, — протянула я и схватила огромную ложку, начав быстро уплетать зелёные листья и помидоры.

— Не лопни. Вот ещё пиво держи, — засмеялась Кия, вхо-

дя в комнату и передавая нам с Захи по бутылке холодного напитка.

— Я сейчас заплачу, ребята, — совершенно искренне сказала я.

Кия приземлилась на пол в гору подушек перед столиком с едой, прямо напротив нас.

Пережитый сегодня стресс и напряжение покидали моё сознание, и я расслабилась. В гостиной стоял приглушённый свет, цветные лампы по бокам комнаты создавали ощущение яркого заката, а по телевизору на дальней стене шёл чёрно-белый фильм.

Этот дом был достаточно старым, но в нём ощущалось так много уюта: винтажные шкафы и витражи на окнах создавали здесь особенную атмосферу.

Однажды мы с ребятами решили, что устроим марафон старых фильмов, обязательно с чёрно-белой картинкой. Мы почти никогда не досматривали их — всегда засыпали, но сама идея, что мы должны это сделать, грела душу.

— Какой по счёту?

Я тыкнула в сторону экрана ложкой.

— А кто помнит? — ответил Захи с набитым пиццей ртом.

— Восьмой.

Вот в этом вся Киара — она помнила всё. Даже если её мозг был на грани отключки, она всегда знала ответ почти на любой вопрос.

— Так, как прошла операция?

Захари заинтересованно глянул в мою сторону.

Я на секунду стушевалась и помедлила с ответом, прожевывая салат и корочку от пиццы Захи.

Кия закивала в поддержку друга и сделала глоток пива, глянув на экран ТВ.

— Вообще отлично, без осложнений. Перед моим уходом девочка уже была стабильна после операции.

— Это супер, но это всё? Операция прошла хорошо, спасибо, — Мессер возмущённо посмотрел на меня.

— Ну да, — протянула я.

Кия недоверчиво сощурилась под стеклом своих очков.

Я закатила глаза и откинулась на спинку дивана, поджимая под себя ноги. Не знаю, почему я не торопилась рассказать друзьям о доверии Альварес. Я же должна была кричать об этом.

Рика, ты не спугнёшь этот момент. Они твоя семья. Мысленно успокоив себя, я скромно улыбнулась.

— Ну... в общем, Альва доверила мне сформировать переднюю стенку анастомоза.

Мой голос предательски дрогнул, и я прижала подушку к лицу, взволнованно выглядывая из-под неё.

Друзья переглянулись и одновременно начали скакать на месте.

Ненормальные.

Любовь и благодарность переполняли меня в этот момент.

— Рикарда Грейвс — будущий детский хирург, — пропел Захи.

— На минуточку, будущий блистательный детский хирург, — поддержала его Киара, и они кинулись обнимать меня. Я заливисто засмеялась.

— Мне кажется, это был одновременно самый страшный и самый счастливый момент в моей жизни, — мечтательно призналась я друзьям.

— Ещё бы, я бы умерла за возможность поработать рука об руку с Белардом.

Кия мечтала стать нейрохирургом, как наш заведующий хирургией. Она по-настоящему фанатела от него и его врачебной практики, особенно сейчас, когда Александр оперировал только самые сложные и экстренные случаи.

— А я сегодня ассистировал доктору Микко на маммопластике, — сообщил Захари, гордо вздёрнув подбородок. — На швах у меня получился шедевр, — он театрально вскинул руки и засмеялся.

Он говорил шутливо, но я слишком хорошо знала Захи и заметила, с какой осторожностью он произнёс имя Микко. Для него любое доверие наставника значило куда больше, чем он показывал.

Мы с Кией ошарашенно уставились на него.

— Кто бы сомневался, — отозвалась я.

— Ничего себе! Он тебе так доверяет? — в шутку спросила подруга. Захи погрозил ей вилкой и показал язык.

— Кстати, слышали, что Палмер вчера проводил малоинвазивную пластику митрального клапана?

Вопросительно глянул на нас Мессер, а я почему-то сразу вспомнила строгий взгляд Палмера над операционным столом.

— О да! Говорят, что операция была очень сложной, а пациент несколько месяцев добивался, чтобы оперировал именно он, — поделилась сведениями Киара.

Говорю же, она знает всё и обо всех.

— Я бы посмотрел, — присвистнул Захи.

Совсем не подозрительно, что с самого начала разговора о Палмере я молчала. Надеюсь, они не заметили. Чем больше я о нём слышала, тем меньше мой образ самодовольного тридцатилетнего засранца совпадал с реальностью.

— Круто! Уверена, что случай был архисложный. У мегеры вчера тоже была многочасовая операция, — всеми силами пытаюсь увести разговор от Пола, я бросила преувеличенную реплику и вспомнила о главе гинекологии.

Ребята согласно кивнули.

«Мегерой» мы между собой называли Клайру Хоуп. Работать с ней было непросто: требовательная, резкая и совершенно не склонная щадить чужое самолюбие. А ещё до неприличия красивая. Я знала её характер непонаслышке: в силу своей будущей специализации довольно плотно работала с акушерами-гинекологами.

— Я видела, как новых практикантов припрягли таскать

кучу расходников к Палмеру в операционную, — сказала Кия и села рядом с нами на диван.

— Бедняги, — посочувствовал Захи.

Мы доедали остатки нашего студенческого ужина и допивали уже по второй бутылке пива. Приятная слабость разливалась по телу.

— Кстати, о новых практикантах. Ты же вчера столкнулась с одним в холле? — спросила Киара.

— А, да, Киллиан, кажется, — я напрягла брови, вспоминая имя зелёногоглазого красавчика. Что-что, а его внешность я запомнила хорошо.

Рика, соберись! — приказала я себе и сползла на пушистый ковер.

— Красивый? — спросила подруга.

Я неопределённо пожала плечами.

— Да обычный.

— Насколько обычный, по шкале от Бреда Питта до меня? — поинтересовался негодник Мессер. Я нервно хохотнула.

— Ну... у него зелёные глаза, он высокий и носит крутые кроссовки, — задумчиво перечислила я.

— Ты запала? — спросила Киара, многозначительно поиграв бровями.

— О боже, дурная, он слишком молод, — я действительно так считала. Да и некогда мне было не то чтобы строить отношения, даже переспать с кем-то.

— А зеленоглазые тебя в последнее время прямо пресле-

дуют, — присвистнул Захи. Я лишь махнула на него рукой в неопределённом жесте.

— Слушай, неужели ты правда не знала, кто такой Пол Палмер? — повернула ко мне голову Киара.

— Конечно, я знала о нём, просто я не знала, как он выглядит.

Мне отчего-то хотелось скорее закончить этот разговор, и Захари буквально услышал мои молитвы.

— Кто выпил моё пиво? — вдруг возмутился он.

Я отползла подальше от друга, а он в ответ кинул в меня подушкой.

Разговаривая, мы не заметили, как открылась входная дверь, и на пороге комнаты появились Коннор и... Киллиан.

Я удивлённо приподнялась на локтях, уставившись на парня. Кия и Захари последовали моему примеру.

— Почему у меня такое чувство, что вы меня обсуждали? — спросил новый гость, прислонившись к косяку.

Мы втроём добродушно засмеялись.

— Да нет. Только твои кроссовки, — отозвалась я, переводя взгляд на его ноги.

Снова крутая обувь. Посмеялась я внутри.

— Жаль. Я надеялся хотя бы на волосы, — поддержал шутку Киллиан.

— Ребята, это Килли Фарелл, — представил нам друга Коннор. — Килли, это Киара, Рика и Захари.

Мы одновременно помахали парню.

— Кое с кем мы уже знакомы, — он многозначительно улыбнулся мне.

Он и правда был очень тёплым, его окружала какая-то особенная аура.

— Ребят, я отойду, вы здесь не поболтаете? — спросил Коннор.

— Да-да, конечно, — сказала Киара.

— Проходи, места хватит всем, — обратился Захи к Киллиану.

Тот прошёл в гостиную, скидывая вязаный кардиган на ходу, после чего присел в свободное кресло.

— Говорят, у практикантов вчера был сложный день, — решив начать беседу, я присела и подвинулась к журнальному столику, просовывая под него ноги.

— Да, набегались на операции в кардио.

— Ещё не передумал становиться врачом? — пошутил Захари. Хотя всякое может произойти на этом нелёгком пути.

Киллиан откинулся на спинку, расслабленно вытягивая свои длинные ноги, и задел столик. Полупустая бутылка опрокинулась на ковёр, но Фарелл успел подхватить её раньше, чем вылилось пиво.

— Сорри, эти неуклюжие конечности.

Мы засмеялись и заверили парня, что ничего страшного не произошло.

— Неа, у меня это в крови.

Киллиан покрутил руками возле головы, будто подтверждая, что вопрос уже давно решён.

— Родители врачи? — уточнила Кия.

Я внимательно изучала парня: мне не показалось, что он стесняется или чувствует себя некомфортно в компании старших товарищей. Но при этом я не ощущала высокомерия.

— Типа того: хирург и психотерапевт, — поделился Килли.

Теперь понятно. У меня вот было совсем по-другому: я единственная в семье решила пойти по этому пути. Никто из моих родственников не был близок к медицине или смежным специальностям.

Пока Коннор завершал свои дела наверху, мы настолько погрузились в разговор с Киллианом, что уже не замечали, как одна тема сменяет другую.

Я видела, что мои друзья легко нашли с Килли общий язык. Думаю, они чувствовали то же, что и я: с ним действительно было спокойно. Он просто отвечал на вопросы и развлекал нас историями из медицинской школы.

Когда Коннор наконец забрал нашего гостя с собой наверх, мы втроём уютно устроились на большом диване. Сложив друг на друга руки и ноги, мы попробовали всё же посмотреть фильм из нашего общего списка.

Захари уснул через пятнадцать минут. Это рекорд.

Мы с Киарой ещё держались, когда на журнальном столи-

ке завибрировал телефон.

Я кинула на него взгляд. Мобильник лежал экраном вверх. На дисплее высветилось: «Папа».

Через пару секунд раздались быстрые шаги на лестнице. Киллиан продемонстрировал уведомление на электронных часах.

— Простите, оставил телефон, — прошептал он.

Я дружелюбно отмахнулась и снова перевела взгляд на экран.

— Да, пап, — раздалось уже в коридоре.

Интересно, кто из его родителей хирург: папа или мама?

Глава 5

Пол

Несколько дней спустя очередной рабочий день выдался спокойным и размеренным: четыре плановые операции, парочка консультаций — и дневная смена уже подходила к концу. Кажется, такого не случалось очень давно.

За окном светило яркое солнце, что в Сиэтле случалось крайне редко, и все жители спешили насладиться тёплым осенним днём, наглядеться на проступавшие из тумана пейзажи. Спокойная гладь залива опоясывала город, заключая его в свои объятия, парки полностью окрасились в красно-жёлтые тона, а воздух напитался тяжёлой влажностью.

Я вышел из дверей приёмного отделения на улицу и, опустив руки в карманы своих форменных штанов, глубоко вдохнул. Одёрнув белую толстовку с логотипом больницы, поёжился от прохладного ветра и огляделся. В октябре было нетипично наблюдать «золотую» осень на северном побережье. Обычно мы тонули в ливнях, лужах по колено и вечных пробках на дорогах. В этом году погода вселяла надежду, хотя я, как врач (впрочем, как и человек), старался не верить в превратности судьбы и ждал подвоха.

Внутренний двор больницы был тихим. Только шелест кружащихся листьев нарушал редкое для этого места спокойствие. Я прикрыл веки, наслаждаясь.

Как затишье перед бурей.

Эта мысль предательски ворвалась в моё сознание, и я распахнул глаза, в то же мгновение послышался отдалённый гул машины скорой помощи. Конечно. На что я рассчитывал? Что день может закончиться в полной тишине во дворе больницы неотложной помощи? Какая наивность.

Через мгновение ко мне на улице присоединились фельдшеры и хирург общего профиля — Никола Янг. Юная американка японского происхождения.

Она обладала неповторимым чувством юмора, огромным сердцем и строгим нравом. Никола всегда импонировала мне. Когда-то она всерьёз собиралась идти в кардиоторакальную хирургию и какое-то время работала со мной, но ещё до подачи в резидентуру решила выбрать общую хирургию. Признаться, я даже гордился ею, потому что принять такое решение в самом конце образовательного пути непросто. Главное — не упустить момент, когда почувствуешь, что необходимо сделать этот выбор. Нико приняла верное решение и вот уже три года буквально светилась от удовольствия, приходя на работу.

— Доктор Палмер, у вас разве не закончилась смена? — девушка взглянула на меня и натянула перчатки на руки.

То, что мы собрались во внутреннем дворе больницы, могло означать только одно: где-то случилась беда и эту беду везут к нам.

Я взял чёрные перчатки у фельдшера и уставился в пу-

стоту. Туда, откуда вот-вот должна была появиться машина скорой помощи.

— Иногда мне кажется, что эти стены просто не хотят отпускать меня. Так я им нравлюсь, — сказал я, чтобы разрядить гнетущую обстановку. Мы засмеялись и в эту же секунду увидели, что неотложка стремительно подъезжает к тёмно-серым стенам больницы.

Как только автомобиль остановился, задние двери кузова распахнулись и оттуда выглянул Фред — парамедик, с которым я работал, сколько себя помню.

Это был седовласый, крайне худой парень. И нет, ему не было достаточно лет, чтобы голову покрывала седина. Просто его работа заставляла частенько нервничать, но он всё ещё отчаянно любил помогать людям и всегда стремился успеть сделать всё, чтобы передать их в наши руки.

В голове заиграла мрачная песня. Подходящая мелодия, чтобы окунуться в мир боли и отчаяния.

Спасибо, мозг.

— Что у нас? — я запрыгнул в кузов и бросил тревожный взгляд на женщину, которая тихо плакала и тяжело дышала. От моего внимания не ускользнуло, что она была глубоко беременна.

Меня бросило в жар.

Фред тяжело вздохнул и надел кислородную маску на лицо пострадавшей. На кардиомониторе отображался её сердечный ритм. Вопросов становилось всё больше.

— Женщина, тридцать шесть лет. Беременность тридцать восемь недель. Произошла авария, она ехала в роддом, но какой-то... — он откашлялся. — В общем, он врезался в её машину. Удар пришёлся с пассажирской стороны.

Я покачал головой и подошёл к пациентке, быстро осматривая повреждения и показатели на переносных мониторах, которые врачи скорой успели подключить. Девушка держала одну руку на груди, а второй поддерживала внушительный живот.

— Сломано несколько рёбер, сильный ушиб грудной клетки. Сердцебиение плода определяется, явных признаков дистресса пока нет. Но у девушки признаки острого коронарного синдрома.

Мой клиент.

Волнение на секунду отступило, давая волю приятному профессиональному трепету. Но это была всего лишь секунда.

— Я доктор Палмер. Мы вам поможем, не переживайте. Как вас зовут? — обратился я к девушке.

И в этот момент она резко закричала и схватилась за живот.

Схватки? Она ехала в роддом рожать, чёрт.

— Фред, давно началась родовая деятельность? — я повернул голову к парамедику, а он резко развернулся ко мне и ошарашенно посмотрел на пациентку.

— Ты не в курсе? А зачем она, по-твоему, ехала в роддом?

Злость окутала моё сознание, но я успел остановить волну ярости, потому что понимал, что в данной ситуации ей здесь не было места.

— Доктор, меня зовут Элизабет... Лизи. У меня начались схватки, и я поехала... Сама, — слабым голосом сообщила пострадавшая, и я взял её за руку.

— Джордж должен был встретить меня там, но случилась авария, и я...

Она снова протяжно застонала и откинулась на кушетку. Меня пробила мелкая дрожь.

Почему именно я встретил эту машину? Почему в ней оказалась девушка, которая рожает?

Что жизнь пытается мне сказать? Чему научить?

Сотни вопросов ворвались в мою голову, но я старался переключить мысли в другую сторону — оценить тяжесть повреждений, составить полную картину и продумать план действий при любых исходах.

— Лизи, могу я вас так называть?

Пациентка коротко кивнула. Я продолжил:

— Лизи, посмотрите на меня и глубоко вдохните.

Она послушно повторила за мной и сделала глубокий вдох.

Мне самому было необходимо успокоиться и не допустить, чтобы пациентка увидела мою панику. Внешне я сохранял спокойствие, действовал методично и уверенно.

Я снова быстро оглядел Элизабет и приложил стетоскоп к

её груди, бросив взгляд на аппарат ЭКГ. Сердцебиение было неровным, дыхание — учащённым, на кардиограмме появились изменения.

Мне необходимо было понять, что происходит с её сердцем. Изменения на ЭКГ заставляли думать об остром коронарном синдроме, а с учётом беременности одной из первых версий была спонтанная диссекция коронарной артерии. Необходимо было срочно направляться в больницу. Никола тем временем осматривала пациентку, проверяя шею и конечности на возможные травмы.

Работая слаженно, мы уже собирались вытащить носилки из машины скорой, когда я заметил кровь на платье и кушетке. Элизабет снова закричала.

— Стойте, — скомандовал я. — Никола, срочно вызови акушера-гинеколога.

Доктор Янг незамедлительно выпрыгнула из кузова и помчалась в больницу. Плохое предчувствие мешало сосредоточиться. Я ощущал, как паника потихоньку зарождалась в районе солнечного сплетения. Руки задрожали.

Я снова глубоко вдохнул и подошёл к пациентке, посмотрел в её карие глаза и мягко улыбнулся. Ей нужна была уверенность, что всё под контролем и что я смогу ей помочь, а мне в это время было необходимо решить, как поступить дальше. Даже годы практики порой не придавали уверенности в каждом следующем действии.

Выбора, как и времени, у меня было немного. Приходи-

лось реагировать мгновенно.

— Лизи, мне необходимо вас осмотреть. Вы не будете против? Роды уже начались и, возможно, у нас не будет возможности доставить вас в здание без риска для вашего здоровья. Мне нужно оценить ситуацию и принять решение. Давайте мы сделаем это вместе?

На щеках девушки застыли дорожки слёз, губы дрожали, и страх отражался в её глазах. Адреналин, который ещё разгонял кровь по венам, поддерживал её в сознании, но у меня было подозрение, что родовая боль смешалась со всеми ощущениями в её теле, и она не совсем понимала, что конкретно у неё болит.

Ориентироваться на показания пациентки было глупо, надо соображать самому.

Элизабет несколько раз кивнула, позволив мне провести гинекологический осмотр, но я уже подозревал, что времени у нас почти не осталось.

— Лизи, как давно начались схватки? — я старался отвлечь девушку вопросами, чтобы снять неловкость из-за того, что осмотр внутри машины скорой помощи проводил врач, который не был акушером.

Конечно, я обладал соответствующими навыками и принимал роды, но это не было моей основной специализацией. Ситуация вынуждала меня снова выйти за пределы своей основной компетенции и сделать всё, что в моих силах.

Я искренне надеялся, что успею довести девушку до ро-

дильной палаты, но кардиограмма выглядела всё хуже. В голове всё настойчивее возникала одна из опаснейших версий — спонтанная диссекция коронарной артерии, а авария лишь усугубила ситуацию.

— Ч-часа четыре назад... Честно... Я... н-не помню... Всё смешалось... — Лизи неопределённо пожала плечами. Как же я её понимал.

Сев на низкий стул перед кушеткой, я надел маску, обработал руки антисептиком и натянул новую пару перчаток. Поскольку помещение не было стерильным, я попросил Фреда закрыть двери кузова и разорвал платье пациентки посередине.

Крови было так много, что я заподозрил отслойку плаценты. Если я был прав, именно она могла объяснить массивное кровотечение и быстрое ухудшение состояния Элизабет. В любой момент она могла отключиться.

Едва начав обследование, я не смог ввести даже два пальца, потому что головка ребёнка уже прорезалась.

Мы точно не могли перемещаться в больницу. К тому же её сердце «сыпалось» под тяжестью родов и кровопотери.

Что же ты мне ещё подкинешь?

Мне хотелось услышать ответ, правда, хотелось.

Я не мог поверить, что мне снова придётся это делать.

Да где же Клайра?

— Где гинеколог? — я поднял взгляд на Фреда, но он пожал плечами и продолжил суетиться, устанавливая венозный

катетер.

Я взглянул на девушку, которая всё больше напрягалась от боли и сжимала края матраса, на котором лежала. Костяшки её пальцев побелели, на лбу выступила испарина, она отрывисто хватала ртом воздух и сдерживала рыдания, рвущиеся из груди.

— Милая, дела обстоят так: ваш малыш уже на подходе и очень хочет поскорее увидеть этот мир. Придётся рожать здесь, но я помогу вам, — я ободряюще улыбнулся Лизи, которая в ответ слабо кивнула.

Она точно не вполне понимала, что происходит, как и я в целом.

Мне не хотелось верить, что выхода не было, но здравый смысл подсказывал, что сейчас мне оставалось принять ребёнка, пока Фред поддерживал состояние Элизабет, а затем немедленно заняться ею. Мне оставалось надеяться, что она не отключится в процессе. Головка уже была на выходе, и ребёнок мог задохнуться в родовом канале, а его мать — умереть от остановки сердца или массивной кровопотери.

Ситуация была критической, и я оказался в самом её эпицентре.

— Фред, воду, стерильные полотенца и ножницы. Вызовите неонатолога и гинеколога. Срочно! — на последнем слове мой голос предательски дрогнул.

Я прочистил горло, стянул с себя толстовку, кинул её на пол и сменил перчатки.

Пнув ногой стул, на котором сидел, помог Лизи сдвинуться на край кушетки и пристроился между её ног.

Господи, за что мне это? Я же кардиохирург.

Судьба не спрашивает — я помню, поэтому делаю всё, что от меня зависит.

— Лизи, давайте поможем друг другу. Я уже вижу головку. Ещё немного. Я буду рядом, обещаю.

Нельзя ничего обещать пациентам, потому что мы никогда на сто процентов не уверены в исходе любой ситуации. Это обещание я давал себе.

Я почти физически ощущал забытую боль, которая сковывала моё сердце, словно в тисках.

Чувство дежавю было самым ненавистным ощущением на свете, но я снова погружался в него с головой. Когда в прошлый раз я вот так сидел на коленях перед женщиной, которая кричала, изнемогая в родовых муках, я чувствовал страх и счастье одновременно. Сейчас всё было по-другому.

Мы вместе глубоко вдохнули. Она начала тужиться, и наконец головка младенца показалась полностью. Кровь застилала обзор, и я слышал, что двери кузова распахнулись, но в этот момент не существовало ничего, кроме нас троих: меня, находившегося на грани панической атаки, матери на пороге смерти и новой жизни, которая отчаянно стремилась выйти на свет.

— Давай, милая, ещё один рывок, и мы на финише, — я вдохнул вместе с Элизабет, осторожно помог родиться пле-

чикам и принял ребёнка, поддерживая его голову и шею.

Внезапно в машине повисла тишина. Молодая мать тяжело дышала, Фред уже держал наготове тёплый плед.

Небольшое пространство скорой стало отдельной планетой, где на свет появилась маленькая хрупкая девочка. Я быстро обсушил малышку, очистил рот от видимой слизи и растёр её спину. Она не кричала, но слабо шевелилась у меня в руках.

Давай же, малыша. Кричи, этот мир должен услышать тебя.

И в этот момент девочка отчаянно закричала. Тяжёлый камень упал с моих плеч и на мгновение мир перестал существовать. Я слышал самый прекрасный звук на свете — мелодию новой жизни, которая, несмотря на препятствия, боролась за своё существование, и впереди у неё была невероятная история. Я почти мечтал об этом.

Но реальность больно ударила меня по лицу, наотмашь со всей силы, и я услышал крик Фреда. Звуки вокруг были такими, как будто я видел всё в замедленной съёмке и находился внутри вакуума, а потом этот купол тишины внезапно разорвался с оглушительным грохотом. Окружающий мир ударил меня, и я очнулся.

После пережатия и отсечения пуповины я закричал:
— Где неонатолог? Заберите у меня ребёнка.

Позади меня Фред уже пытался остановить кровотечение у Элизабет.

Я выпрыгнул из кузова и застыл на мгновение, когда увидел перед собой Рикарду. Она ошарашенно смотрела на всё происходящее и, придя в себя, протянула ко мне руки.

В гуще хаоса знакомое лицо почему-то на мгновение подействовало отвращающе. Видимо, эмоции окончательно сбили настройки моего здравомыслия.

Взглянув в её карие глаза, я уже собирался передать ребёнка, но вовремя остановился.

— Я вызывал неонатолога, малышку надо срочно осмотреть.

Я не совсем понимал, почему за ребёнком пришла именно она.

— Альварес направила меня помочь неонатологам в приёмном, я была рядом. Я позабочусь о ней, — сказала Рика.

Времени выяснять, почему она оказалась здесь, сейчас не было.

Передавая девочку Рике и бережно поддерживая её маленькую головку, я последний раз взглянул на малышку.

— Она закричала не сразу. Дыхание появилось после стимуляции. Проверьте сатурацию и оцените состояние по шкале Апгар.

Рика коротко кивнула и побежала к дверям неотложки, где уже собиралась неонатальная бригада.

Фред взглянул на монитор.

— Пол, она отключается.

Я резко повернулся в его сторону. Лизи побледнела, по-

казатели давления резко падали.

А я, не теряя ни минуты, снова забрался в кузов скорой помощи, где Элизабет уже была без сознания. Я приложил пальцы к её шее, проверяя пульс. Слабый, но есть.

Нет, нет, только держись.

— Кислород! Два крупных венозных доступа и готовьте операционную, — отдал я распоряжения, и мы направились ко входу в Госпиталь.

Мой взгляд блуждал между показателями давления, линией ЭКГ и лицом Элизабет. Я почти молился, чтобы она дотянула до операционной.

Увы. Датчики протяжно запищали — линия на мониторе изменилась. Я снова прижал пальцы к сонной артерии. Пульса не было.

Я отодвинул парамедиков, забрался коленями на каталку по обе стороны от её бёдер и начал делать непрямой массаж сердца.

— Быстрее в операционную, мы должны успеть. Должны, — последние слова я сказал шепотом и скорее самому себе, потому что два фельдшера уже выгрузили нас из машины и вкатили в стеклянные раздвижные двери Холда.

Я смотрел на девушку и ритмично надавливал на её грудину. Фред вентилировал её мешком, второй парамедик поддерживал венозный доступ, пока Никола запрашивала кровь для переливания.

Я чувствовал отчаянное желание спасти этого человека,

ведь она только что стала матерью, и эта история не должна была закончиться так.

Фельдшеры свернули за угол и направили каталку к грузовому лифту, привычно действуя в критической ситуации.

На мониторе появился ритм. Я быстро проверил пульс на шее.

Есть.

Только после этого убрал руки с её груди.

Выдохнул.

Руки затекли от монотонных движений, и я встряхнул их. Тремор прокатился по позвоночнику.

— Готовьте гибридную! Второго кардиохирурга, интервенционного кардиолога, акушерскую бригаду, анестезиолога и активируйте протокол массивной трансфузии! — сказал я медсестрам, которые бежали впереди нас.

Мы неслись со всех ног, как вдруг я заметил врача, который присоединился к нашей компании — это оказался Лекс.

— Ты принимал роды? — напряжённым голосом спросил глава хирургии.

Я сдвинулся на край кушетки, присел на подошву кроссовок и положил руки на ноги пациентки. Она всё ещё была без сознания, но от её тела исходило тепло, пульс сохранялся.

Повернув голову, я посмотрел на друга, и в глазах встали непрошеные слёзы. Перед дверями лифта каталка на мгновение остановилась, и я кивнул.

— Когда ты делал это в последний раз? — спросил Лекс,

бегло осматривая пострадавшую.

Я только сейчас заметил, как тяжело вздымалась моя грудь под заляпанной медицинской футболкой. Гонка со смертью вымотала меня, но впереди нас ждал бой посерьёзнее — я это чувствовал.

— Семь лет назад у своей жены, — сказал я и посмотрел прямо в глаза Александру — увидел в них боль. Но главное — понимание. До него только что дошёл смысл сказанного, и он приложил руку ко рту. Двери лифта распахнулись.

Медики вкатили нас с Элизабет внутрь, и я ещё раз посмотрел на Лекса.

— Вы это сделаете. Клайра уже готовит акушерскую бригаду в гибридной, — сказал нам доктор Белард и поспешно повернулся к лифту спиной.

Впервые за три года мне снова хотелось убежать.

Коридоры больницы сливались в одно длинное пятно.

В операционной царил хаос: медсестры метались из стороны в сторону, анестезиолог проверял работу аппарата ИВЛ и подачу кислорода, подготавливая Элизабет к интубации.

У нижнего края операционного стола сидела доктор Клайра Хоуп. Гинеколог оценивала продолжающееся кровотечение и напряжённо хмурилась. После рождения ребёнка оно, к сожалению, не остановилось. Плацента отделилась не полностью, матка почти не сокращалась, и теперь Элизабет теряла кровь быстрее, чем анестезиологи успевали восполнять

объём.

Ох, не завидовал я Клей.

Я бросил беглый взгляд на монитор, увидел нестабильный ритм с выраженной тахикардией — тревога прокралась в самый центр груди.

Эта молодая, красивая девушка только что родила не менее прекрасную малышку, пережила расслоение стенки сердечной артерии, острый инфаркт и остановку сердца.

Дорога до отдельной рентгенооперационной могла отнять у нас драгоценное время, поэтому Элизабет сразу доставили в гибридную. Я рассчитывал вновь обмануть смерть, опередить её и сделать всё, чтобы у Лизи и её ребёнка был шанс провести вместе как можно больше лет.

Тусклый свет флуоресцентных ламп падал на операционный стол, где медикаментозный сон уже накрывал молодую мать.

Она сильная, она справится.

Мне, как любому другому человеку, нужно было во что-то верить. Перед сложными операциями я всегда представлял себе жизнь пациентов за стенами больницы: чем они занимались, какой у них характер, каких принципов придерживались. Ведь люди попадают в эти стены не добровольно, а по велению своего организма или глупого случая.

Тело, в котором мы живём, порой подводит нас.

Я так старательно намыливал руки стерильной губкой, что на предплечьях остались красные полосы, но на ноющую

боль в эти минуты мне было всё равно.

Быстро пройдя в операционную, я позволил медсестре развернуть на мне стерильный халат и поднял руки перед собой. Дилан подошла ко мне с синими хирургическими перчатками. Я нахмурился:

— Чёрные, пожалуйста.

Как будто опомнившись, она засуетилась, ища для меня нужные.

В это время я посмотрел на Клайру, которая умело орудовала инструментами, и сосредоточенно, не обращая на меня никакого внимания, работала в своём операционном поле.

Возле головы Элизабет висели пакеты с кровью и плазмой. Всё-таки понадобилось переливание. Я еле заметно вздохнул.

Я упоминал, что Клей была пламенем: строгая, жгуче красивая и являлась настоящим профессионалом своего дела?

Нас с ней связывала многолетняя привычка флиртовать — это означало никакого секса, но чересчур много неприкрытого влечения. Клайра была одной из немногих женщин, с которыми мне всегда было легко. Мы могли обмениваться двусмысленностями и через минуту совершенно спокойно обсуждать пациента. Она никогда не делала вид, что не замечает мужского внимания. Наверное, поэтому между нами всё эти годы ничего и не происходило — возможность существовала, но ни один из нас не считал нужным ею воспользоваться.

— Палмер, — поздоровалась она, но всё ещё не поднимала на меня взгляд.

— Хоуп, — ответил я.

Мы общались исключительно кратко и саркастично, так было проще тушить возникающие между нами искры.

Надо признать, Клайра действительно была невероятно красива: огненно-рыжие волосы, стройное тело, глубокие голубые глаза и один огромный минус — характер.

— У тебя отслойка плаценты, я принимал роды, — я приподнял руки перед собой, пока медсестра готовила грудь пациентки, оставляя нам возможность в любой момент перейти к открытому вмешательству.

Несмотря на разговор, я внимательно следил за показателями давления и пульса на мониторе.

— А у тебя расслоение стенки артерии, — парировала гинеколог и наконец-то посмотрела мне в глаза. Она гневно улыбнулась, я заметил это даже под её медицинской маской. — Хочешь поменяться местами?

— Сердца точно не твой профиль, — сказал я, а Клайра ухмыльнулась. Правда, даже я не был уверен, что катетерного вмешательства окажется достаточно, особенно учитывая тяжёлое состояние пациентки.

— Работаем одновременно? — спросил я, подходя к операционному столу и занимая своё привычное место.

Делать два вмешательства параллельно было опасно. На фоне массивной кровопотери, инфаркта и недавней останов-

ки сердца — почти смертельно. Но остановить маточное кровотечение и восстановить кровоток по коронарной артерии нужно было одновременно.

— Варианты? — Хоуп изогнула одну бровь и подняла на меня дерзкий взгляд.

Других вариантов не было.

Я примирительно поднял руки и взглянул на Элизабет. Она была бледной, изо рта торчала интубационная трубка. Но я помнил её тихие рыдания и надежду во взгляде, когда наша с ней вселенная на короткие мгновения стала общей.

Меня передернуло от нахлынувших воспоминаний, но я быстро заставил себя вновь сосредоточиться.

Не сейчас, Пол. Не время страдать!

— Никаких, — признался я.

Надо было смириться с ситуацией и приступить к работе.

— У меня всё готово. Давление пока держим, — подал голос анестезиолог Деймон.

Мы с Клайрой одновременно кивнули.

Нам нечасто приходилось оперировать вместе, но мы всегда работали слаженно и мало разговаривали. Причина была не только в том, что между нами существовали личные недомолвки, но и в том, что и я, и Клей предпочитали действовать, а не трепаться языками.

Я приступил к коронарографии.

Справа от стола вспыхнул рентгеновский экран: тонкая линия катетера медленно поднялась по аорте к сердцу, и пе-

редо мной открылся протяжённый участок повреждений.

Чёрт. Прогноз был неутешительный, но после стресса, пережитого в машине скорой, я намеревался во что бы то ни стало спасти Элизабет.

— Давление? — уточнил я у Деймона.

— Девяносто на пятьдесят пять. Норадреналин повышаю,
— ответил Деймон.

Я осторожно продвинул проводник, стараясь попасть в нужный просвет. Несколько миллиметров. Ещё немного. Кончик упрямо уходил в расслоенную стенку.

— Да чтоб тебя, — тихо выругался я.

Я отвёл проводник назад и попытался снова. Ошибка могла окончательно перекрыть кровоток.

Клайра, работая параллельно со мной, коротко потребовала ещё один зажим. Я не видел, что происходило у неё, но по количеству использованных салфеток и пакетам плазмы понимал: кровотечение всё ещё не остановлено.

— Пол, давление падает. Семьдесят на сорок.

В такие моменты я почти по-настоящему ненавидел Деймона, хоть это и было нерационально. Этот парень всегда общал о возникших осложнениях — такая работа.

На мониторе ритм сорвался, между ударами сердца появились длинные паузы.

Я замер всего на мгновение.

Думай, — приказал я мозгу.

Катетер не справится. Выхода нет.

— Переходим на открытую операцию. Готовьте аппарат искусственного кровообращения, — я взглянул на Дилан и второго хирурга кардиохирурга.

— Ей понадобится гепарин, — напомнила Клайра, не отрываясь от своей задачи.

— Знаю, — нервно ответил я.

Препарат, снижающий свёртываемость крови, предотвращал образование тромбов, однако мог усилить маточное кровотечение. Но без введения гепарина я не смог бы безопасно подключить аппарат и восстановить кровоток в сердце.

— Сколько тебе нужно времени? — я взглянул на Клайру.

— Пять минут. Я почти контролирую кровотечение.

— У тебя три, — я вернулся к подготовке.

— Тогда не мешай.

Пока Клайра накладывала швы на матку, мы с моей командой готовили грудную клетку.

Через несколько минут скальпель рассёк кожу по средней линии, и второй кардио помог мне развести грудину.

Время перестало существовать.

Остались короткие команды, писк мониторов и сердце Элизабет, которое мы оба отказывались терять. Я работал быстро, но без суеты, контролируя каждое действие: наложил шунт, восстановив кровоток в обход повреждённого участка артерии.

Наступил момент истины. Я снял зажим.

Сердце несколько секунд сокращалось неровно, словно не решалось вернуться, а затем на мониторе появился устойчивый ритм.

— Давление поднимается, — сказал Деймон и заметно выдохнул. — Девяносто пять на шестьдесят.

И вот, спустя три часа, я на шаг отошёл от операционного стола.

Позволив мелкой дрожи завладеть моими руками, я на мгновение зажмурился, резко сжал и разжал пальцы. От напряжения, в котором я пребывал последние часы, всё тело ныло. Я сделал четыре глубоких вдоха и выдоха, чтобы успокоить собственное сердцебиение.

Панический трепет покинул тело, как только я увидел устойчиво сокращающееся сердце, снова качавшее кровь по сосудам. Лучшее зрелище на земле — сердце, которое продолжает биться благодаря моим рукам.

— Доктор Хоуп? — мой голос немного охрип от длительного молчания, и я заметил, как Клайра вздрогнула, услышав меня.

— Заканчиваю, — отозвалась Клей.

Сдержанна, как всегда.

— Удалось спасти матку?

— Палмер, ты забыл, с кем работаешь? — она возмущённо вскинула голову. На её лбу проступила еле заметная испарина.

Я ухмыльнулся. Её самоуверенности стоило позавидо-

вать.

— На секунду усомнился в твоём профессионализме, если честно, — мне нравилось её подначивать.

Клайра резко поднялась со стула, на котором провела последние три часа, и сбросила окровавленные перчатки на поднос, не сводя с меня глаз.

Я держался и не желал проигрывать эту зрительную дуэль.

— Один раз приняв экстренные роды, ты не стал гинекологом, малыш.

Ауч, а она права.

Только это, к сожалению, были не первые мои роды. Но какое ей до этого дело.

— Милая, а твоя дерзость раззадоривает, — пришлось отвечать ей той же монетой.

В операционной повисла гробовая тишина, которую нарушал только писк приборов.

Весь медперсонал обратил на нас удивлённые взгляды.

Мы с Клей ещё пару секунд обменивались молниями в глазах, а в следующее мгновение вместе захохотали. Казалось бы, кто смеётся в операционной, рядом с человеком, который пару часов назад был на пороге смерти?

Мы.

Мы смеялись, потому что в этой профессии без юмора и хорошей шутки не выжить. Всё это помогало сбросить напряжение, давало силы и позволяло сохранить рассудок.

— Поздно, Палмер, но... Отличная работа, — сказала

Клайра, уже стоя на выходе из операционной, стягивая маску с лица.

— Взаимно, Хоуп.

Этого было достаточно, чтобы безмолвно сказать другу «спасибо».

Я был уверен, что Клайра сразу поняла, насколько для меня было важно спасти эту девушку. Поэтому сосредоточенная тишина сопровождала нас на протяжении всей операции. Я был ей благодарен и от осознания, что у нас всё получилось — внутри разлилось успокаивающее тепло.

Нужно было закончить свою часть операции. Я проверил линию последнего коронарного анастомоза и взглянул на грудь Элизабет.

Она молода, у неё впереди целая жизнь, но заметный шрам посреди груди может сыграть с ней злую шутку.

Идея пришла в голову мгновенно.

— Уточните у доктора Микко, кто лучше всех накладывает внутрикожные швы, — попросил я медперсонал.

Она должна была забыть этот ужас, а не каждое утро видеть его отражение в зеркале. Это было избыточно, я понимал. Но после всего, что случилось с ней сегодня, мне хотелось убрать хотя бы одно последствие, которое было в моих силах.

Через пятнадцать минут раздвижные двери впустили в помещение Захари — ординатора пятого года. Высокий жилистый парень с заразной улыбкой и пронзительными

голубыми глазами остановился в метре от операционного стола и ждал моего разрешения приступить к работе.

— Я вызывал пластического хирурга, а не ординатора, — этими словами встретил его я. Порой я мог быть настоящей занозой в заднице.

— Доктор Палмер, мне сказали, что после фиксации грудины нужно закрыть мягкие ткани и кожу. Доктор Микко решил, что я справлюсь с этой задачей, — проговорил Захари и держал перед собой уже вымытые руки, в любую минуту готовый ринуться в бой.

Я знал, что этот парень подавал большие надежды на поприще пластических хирургов. Глава пластической хирургии Микко был от него в восторге.

— Раз твой наставник в тебе уверен, у меня нет поводов сомневаться, — я скинул халат, стянул перчатки со вспотевших рук и увидел раздражённые красные пятна, тянувшиеся по всей поверхности ладоней.

Кожу неприятно щипало и жгло.

— Приступай. У этой девушки впереди вся жизнь. Сделай всё, чтобы шрам напоминал ей об этом как можно реже.

Мессер одобрительно кивнул и занял место у стола.

Я удалился в умывальник, ухмыльнувшись себе под нос.

Этот парень мне нравился. Молодость, уверенность и сила окутывали пространство вокруг него, а позитив, который он источал, был заразителен.

Его точно ждёт блестящее будущее, — эта мысль была

одновременно грустной и счастливой. Ведь моё такое же будущее уже стало прошлым.

Уперевшись руками в низкую раковину, я стянул шапочку с головы и закрыл глаза.

Мне нужен был глоток свежего воздуха после крайне тяжёлого дня. Но будем откровенными — когда у меня были другие дни?

Уже три года я без передышки бежал в попытках прыгнуть выше головы, стать ещё лучше, ещё профессиональнее. Моя жизнь — это работа и Киллиан.

Я понимал, что нуждаюсь в каком-то ярком событии, всплеске эмоций — в чём угодно, что смогло бы выдернуть меня из этой повседневности.

Но как вернуть себе былое желание жить, я пока совершенно не понимал.

Глава 6

Пол

В лифте играла тихая джазовая мелодия, окутывая пространство звуками пианино и перебором гитарных струн. Я откинулся на противоположную от двери стену и прикрыл глаза.

Последние пару дней выдались жёсткими. Тяжесть от очередного трудового дня навалилась на плечи, мне казалось, будто я ощущаю её физически. Веки набухли и начали давить на глаза, руки всё так же покалывало и щипало от продолговатых ран, полученных накануне. Я накинул на себя халат и просунул руки в рукава, чтобы не вызывать лишних вопросов.

Кабина лифта плавно остановилась на втором этаже, и датчик над дверями протяжно дзинькнул, оповещая об остановке.

Пара минут в замкнутом пространстве позволила мне расслабиться и дать телу возможность сбросить привычное напряжение. Каждая мышца напомнила о себе, как только я вошёл в просторный больничный холл.

На втором этаже располагалось отделение детской хирургии. Завершив плановую операцию наверху, я испытал непреодолимое желание ещё раз взглянуть на дочь Элизабет. Казалось, что я всё ещё чувствую тепло девочки на руках, а

в носу застыл запах крови, смешанный с неповторимым ароматом младенца: смесь молока и молодой вишни.

Эта бунтарка так отчаянно рвалась на свет, и теперь мне было необходимо убедиться, что с ней всё в порядке. Утром я уже проведаль Лизи: мы тепло поболтали — она хорошо восстанавливалась и мечтала скорее увидеть свою малышку.

Быстрым шагом, миновав длинный коридор, я остановился у стойки администратора. Врачи и медперсонал этого отделения носили форму другого цвета. За стойкой милая медсестра в костюме цвета свежей мяты заполняла карты. Вокруг витал запах пеленок и молока.

Удивительно, здесь совершенно не пахло больницей, а стены были расписаны яркими объёмными изображениями животных, цветов и деревьев. Здесь даже мебель была цветная. Диван цвета скошенной травы стоял в углу, возле него располагались жёлтые и мятные пуфы, а вокруг были разбросаны мягкие игрушки в окружении пластикового автопарка и бассейна с мягкими мячиками.

— К вам поступила девочка, родилась вчера вечером в машине скорой помощи. Её мать Элизабет Морфи — моя пациентка.

Медсестра подняла на меня глаза, задумалась, после чего начала искать данные.

Внезапно улыбнувшись, девушка посмотрела на меня.

— Да, такая милая малышка. Она в блоке интенсивной терапии, её планово осматривает доктор.

Я коротко кивнул и направился в отделение.

За поворотом я увидел стеклянную стену, которая отгораживала холл от помещения, заставленного боксами с новорожденными. К каждому боксу была подключена система мониторов и аппаратов, обеспечивающих наблюдение, кислородную поддержку и при необходимости искусственное питание для малышей.

Из ящика у входа я взял одноразовый зелёный халат и белые перчатки.

Чувствовалось, что в этом месте были свои правила и особая атмосфера: умиротворение, спокойствие и тишина.

Я не был частым гостем в детской хирургии по многим причинам. Это место навевало болезненные воспоминания, и вот уже три года я придерживался одного-единственного правила — по возможности не консультировать и не оперировать детей.

Никогда.

Натягивая халат, я обвёл палату с младенцами взглядом и на мгновение замер, когда увидел её — Рикарду.

Девушка склонилась над одним из боксов и поправляла шапочку на голове новорождённой. Я всё ещё не вполне понимал, что доктор Грейвс делала в моей операционной, но только сейчас, увидев собственными глазами, я понял — именно здесь Рика была на своём месте.

Это чувство не спутаешь ни с чем. По тому, как она перемещалась в пространстве, как уверенно совершала манипу-

ляции с аппаратурой, как лавировала между детскими кроватками — было понятно, что она в своей тарелке и точно знает, как здесь всё устроено.

Грейвс была такой маленькой, почти незаметной в просторной комнате, заставленной медицинским оборудованием. Впервые у меня появилось время внимательно посмотреть на неё со стороны.

Невероятно густые пшеничного цвета волосы Рики были заплетены в небрежную длинную косу, почти достававшую до копчика. Больше всего моё внимание привлекли яркие пряди и множество мелких цветных косичек, которые хаотично переплетались между собой внутри причёски.

Пара прядей упала ей на лицо, и она заправила их за ухо, лучезарно улыбнувшись малышке в кроватке.

Бирюзовые, розовые, синие, зелёные, жёлтые косы в её волосах делали девушку ещё более необычной и соответствующей атмосфере в детском отделении. У меня не получилось удержать уголки губ — они сами собой приподнялись, пока наблюдал за ней сквозь матовое стекло палаты.

Рикарда нахмурилась, поджала пухлые губы и посмотрела на монитор. Я проследил за её взглядом — всё было в порядке. Она облегчённо выдохнула и опёрлась локтями о бортики бокса, любуясь девочкой.

Поймав себя на мысли, что позволяю себе слишком долго тайно наблюдать за ординатором, я нажал кнопку на стене и вошёл в палату.

Нас окружали прозрачные стены и только с одной стороны по всему периметру комнаты тянулись большие окна. Тусклый свет наступивших сумерек пробивался сквозь опущенные жалюзи и освещал детские кроватки. На удивление, в помещении было тихо, только несколько младенцев недовольно кряхтели и шуршали пелёнками.

Рикарда услышала, как я вошёл, и подняла голову. Я не мог разобрать чувств, которые отражались на её лице, но она явно была чем-то встревожена.

— Доктор Палмер, добрый вечер, — поздоровалась ординатор. — Как чувствует себя Элизабет? — спросила она и снова опустила глаза.

Я подошел к боксу и встал позади девушки на расстоянии вытянутой ладони, заглядывая ей за плечо. Она была примерно на голову ниже меня, поэтому обзор оставался свободным. Отчего-то усмешка предательски возвращалась к моему лицу.

— Её мать сильная. Восстановление будет длительным, но я уверен, что она справится.

Я не смог сдержать гордости в голосе, поскольку в полной мере осознавал: вчера мне удалось спасти две невинные жизни.

Это чувство пьянило.

А говорят, у врачей эмоциональный фон как у зубочистки. Мне тяжело с этим согласиться, потому что в большинстве своём мы были эмоциональными наркоманами. Гнались

за адреналином, который струился по венам в процессе работы.

Внезапно кроха схватила Рику за палец и заставила её негромко засмеяться.

— А девчонка бойкая, — вырвалось у меня, и предательски защемило сердце. Никто не знал, что в эти минуты я неистово боролся сам с собой. Я чувствовал физическую потребность лично убедиться, что с младенцем всё в порядке, но смотреть на ребёнка было больно.

Девушка развернула голову и подняла на меня вопросительный взгляд. Я почему-то задержал взгляд чуть дольше необходимого и первым отвернулся к монитору.

Когда Рика снова посмотрела на девочку, я смог глубоко вдохнуть, почувствовав едва заметный запах мяты, как и тогда в операционной.

Странная девчонка.

В то же время мне совсем не хотелось покидать этот уединенный уголок спокойствия и умиротворения, где были только мы вдвоём.

Ну и ещё куча младенцев, конечно.

— То, на что вы обратили внимание вчера при передаче девочки, очень помогло. У неё обнаружили скопление жидкости в правой плевральной полости. Мы взяли анализы и установили дренаж, — рассказала Рикарда.

Я бросил беглый взгляд на грудь младенца, откуда торчал тонкий, отводящий катетер, к которому был прикреплен ме-

шочек со стекающей в него светлой, прозрачной жидкостью.

Подойдя на шаг ближе к Рике, я оказался прямо у неё за спиной.

— Не припомню случая, когда я был неправ.

Я начал эту дерзкую игру ещё при первой нашей встрече и, надо признаться, она меня даже забавляла.

В отражении напротив нас я заметил, что умиротворение на лице Рикарды сменилось раздражением. От этого со мной случился прилив энергии и легкий трепет в груди.

Кажется, именно этого всплеска эмоций так жаждало моё внутреннее «я».

Я так давно не испытывал желания проверить эмоциональную устойчивость ординаторов — настолько погряз в собственных задачах и проблемах.

Я оправдывал всё профессиональным интересом и своим стремлением подготовить молодых врачей к общению с совершенно разными наставниками.

Не все же должны быть милыми.

По тому, как напряглись плечи Грейвс, а её пальцы сжались на краю бокса, мне стало понятно, что она остановила порыв развернуться и гневно посмотреть на меня. Моё высокомерие определённо выводило её из себя.

Я позволил себе продолжить, снова вспомнив, что на мою операцию каким-то образом подослали непрофильного ординатора.

Хотелось узнать, что за этим стояло. Кто такая Рика

Грейвс и почему именно её прислали ко мне. Мои методы, конечно, были несколько своеобразными, но, без сомнения, эффективными.

— Уверена, что положение дренажа правильное? — нарочито строго спросил я, и в этот момент её терпение лопнуло.

Рика так резко развернулась на пятках, что скрипнули подошвы кроссовок, и оказалась всего в паре сантиметров от меня.

— Всё проверено доктором Альварес. Положение дренажа подтверждено.

— Я способен сам оценить, доктор Грейвс.

— Не сомневаюсь, но она мой пациент, — сказала она, и её голос даже немного дрогнул.

Гнев переполнял девушку, она сжала ладони в кулаки и уже открыла рот для очередного резкого ответа, как вновь плотно сомкнула губы.

Я нахмурился, потому что вся эта абсурдно детская перепалка одновременно забавляла меня и начинала по-настоящему злить.

— В чём дело, доктор Грейвс? — с нажимом спросил я и шагнул ближе, и только тогда понял, насколько мало пространства осталось между нами.

Рика тоже явно испытывала дискомфорт от нашей близости, потому что уперлась руками в стенки детского бокса, стараясь увеличить расстояние между нами.

— Не могу вспомнить, когда мы с вами перешли на «ты»,

— она неотрывно смотрела мне в глаза.

Я на секунду замер.

Ты?

Только теперь до меня дошло, как именно я к ней обратился.

Юношеский азарт пронзил моё нутро, и теперь я не был намерен отступить.

— Думаю, моё положение позволяет проявлять некоторые вольности.

Это подначивало меня. Хотя едва ли я когда-то переходил границу субординации с кем-либо из коллег без взаимной договоренности.

Правда, было приятно осознавать, что в свои почти сорок я неплохо сохранился и вызывал сомнения по поводу своего возраста. Видимо, большую часть времени я общался только с теми, кто прекрасно знал, сколько мне лет и какой путь мне пришлось пройти.

Её дыхание участилось, вена на шее набухла и пульсировала, а прядь волос прилипла ко лбу.

Девушка толкнула меня плечом и обогнула рядом стоявший бокс, направляясь к выходу из палаты. Я незамедлительно последовал за ней.

За это время она не вымолвила ни слова — только прерывисто дышала и очень громко думала. Её действия выглядели как вызов.

Так почему я не мог принять его?

Выйдя в коридор, двери за нами задвинулись, и мы оказались лицом друг к другу. Достаточно близко, чтобы чувствовать тепло, которое исходило от её тела, достаточно далеко, чтобы смотреть в её глубокие глаза.

Мне приходилось слегка опускать голову, чтобы встретиться с ней взглядом. Хотя это было весьма проблематично, если учитывать нашу разницу в росте.

— Ты что-то хотела сказать? Раз уж мы покинули палату, — легко махнув рукой вокруг нас, сказал я.

Я прекрасно слышал собственное «ты» на этот раз. Теперь оно уже не было случайностью.

— Вы... хотя нет уж, мы же перешли на «ты», — Рика вдохнула, набрав в легкие побольше воздуха.

Я уже предвкушал извержение вулкана и от этого хитро оскалился.

— Высокомерный, наглый докторишка, кем ты себя возомнил? Давно ли ты был на моём месте, добиваясь расположения наставников и отпахивая по сотне часов в неделю, лишь бы тебя заметили, — Рикарда выпалила всё почти на одном дыхании.

Она похоже действительно думала, что я недавно окончил ординатуру.

Вздернув подбородок, она ткнула пальцем мне в грудь.

— Пару лет, как получил лицензию, а ведешь себя, как настоящий кретин.

Уголки моих губ опустились, и волна злости отозвалась

легким покалыванием в подушечках пальцев. Её гнев вызывал во мне совершенно неуместный азарт и смешанные чувства, осознание того, насколько сильно она ошиблась, было почти сладким, что желание ответить оказалось сильнее здравого смысла.

Подавшись в её сторону, я было протянул руку, но вовремя остановил себя.

Она заметно напряглась, проследив за моим движением.

— Вы себе слишком много позволяете, доктор Грейвс, — намеренно громко проговорил я, встретившись с ней глазами.

От злости её заметно потряхивало, и она попятилась назад.

Лицемерно? Не отрицаю, но я ничего не мог с собой поделать. Контроль на пару минут покинул меня. Или моё самлюбие просто было задето? Не знаю.

Склонив голову к её уху, я проговорил:

— Полную врачебную лицензию я получил десять лет назад. Сертификацию по кардиоторакальной хирургии — шесть, — отчеканил я и разжал пальцы, которые незаметно для себя самого собрал в кулаки.

Нет. Она действительно перешла границу.

Я отступил от неё на шаг. Нужно было создать пространство между нами.

— Надеюсь, с цифрами у вас дела обстоят лучше, чем с проявлением уважения, — добавил я, и приятное чувство

превосходства разлилось в груди.

Она совершенно не догадывалась, во что ввязалась, но её смелость восхищала.

Я понял, что мы всё ещё находились в коридоре, где в любой момент могли появиться сотрудники и стать свидетелями нашей перепалки. Не слишком-то профессионально.

Посмотрев на стойку администратора, я заметил там Киллиана — на нём была светло-бирюзовая форма, как у ординаторов. Он держал в руках огромную стопку бумаг, с недоумением глядя в нашу сторону. Следом, к нему присоединилась медсестра.

Переведя взгляд на Рикарду, я увидел настоящий шок в её глазах.

Не хотелось бы оказаться на её месте.

Я прекрасно осознавал, что Грейвс нечего мне сказать, и поэтому поспешно развернулся к ней спиной, стянул одно-разовый халат и закинул его в мусорное ведро.

Развернувшись лицом к «зрителям», я развел руками.

— Концерт окончен, возвращайтесь к своей работе, — вышло грубовато, но я чувствовал себя несколько униженным.

Ординатор попыталась отчитать меня посреди отделения, рассчитывая оказаться правой.

Основной свет в отделении приглушили, оставив ночное освещение у административного островка и палат.

Я подошёл к Киллиану и перегнулся через стойку, чтобы оставить для врачей сведения о родах Элизабет. Пришлось

сделать над собой усилие и не взглянуть в сторону Рикарды. Я знал, что она всё так же стояла на месте.

— Что?.. — тихо спросил Килли. Он выглядел встревоженным, но я отрицательно мотнул головой и направился к дверям, ведущим на лестничную площадку.

Что это сейчас вообще было?

Нужно было выдохнуть.

Буквально выбежав на лестничную площадку, я чувствовал, как сердце колотилось у меня в горле, тело сковывала тревога, и напряжение горячей волной прокатывалось вдоль позвоночника. Это чувство было мне в новинку, даже не мог вспомнить, когда последний раз испытывал такое сильное живое раздражение. Но пугала меня даже не реакция тела, а то, что вместе с ней проснулось необъяснимое, что подстегнуло меня.

Пытаясь восстановить дыхание, я уперся руками в стену и опустил голову. Непонимание окутывало моё сознание, и я не желал признаваться себе, что эта девчонка выбивала меня из привычного равновесия.

Годами я прятался за профессионализмом и сдержанностью, заиклившись на отпечатках боли в собственном сердце. Я многие месяцы тонул в работе, в попытках закрыться от внешнего мира, чтобы ни одна живая душа не могла проникнуть ко мне в сердце.

Так было проще, так мне легче жилось.

Какого чёрта я вообще позволил ей так себя вывести?

Сын был единственным человеком, с которым я мог быть собой. Мы редко виделись, встречались дома в перерывах между моими бесконечными сменами и его учебой. Он не замечал, в каком на самом деле состоянии находился его отец.

Я просто не разрешал себе испытывать никаких эмоций, кроме тех, которые рождала во мне хирургия. Порой мне казалось, что это моя единственная любовь. Работа не предаст, работа не сделает больно, она не вырвет сердце из груди и не растопчет его. На работе всё зависело только от меня самого.

Я был чёртовым фанатиком, помешанным на контроле. Мне нравилось руководить. Право принимать решения, от которых зависела человеческая жизнь, поддерживало во мне интерес к жизни.

Да, со мной действительно всё было так плохо. Пора признаться самому себе в этом, но Рикарда... Она заставила меня злиться, пробудила интерес. За стенами больницы есть жизнь, а я её отталкивал.

Я со всей силы ударил ладонью по стене и отдёрнул её. Кожу резко обожгло болью, и я прижал руку к груди.

Придурок.

Я злился на себя за то, что вообще позволил ординатору так сильно меня задеть. Нервное возбуждение потихоньку покидало моё тело, дыхание нормализовалось, а шея перестала гореть. Я приходил в норму, вновь возвращая контроль над своим телом и разумом. Возможно, нужен был отвлека-

ющий фактор, который помог бы мне сбросить напряжение и вернуться к привычной жизни.

Может быть, позвонить Клайре? С ней хотя бы всё всегда было просто. Я прогнал эту мысль из своей головы и быстро спустился на первый этаж.

В приёмном отделении кипела жизнь: фельдшеры распределяли пациентов по палатам, врачи работали в смотровых боксах.

В дальнем углу я заметил Александра. Он стоял у кушетки с юной пациенткой, улыбался и заполнял электронную карту. На нём был белый больничный халат, рукава закатаны до локтя. Он переоделся в хирургический костюм, хотя делал это крайне редко. В последние годы он всё реже выбирался в операционную: обязанности главы хирургии отнимали почти всё его время. Сегодня, очевидно, Лекс наконец выбрался из кабинета обратно к пациентам.

Доктор Белард был высоким, широкоплечим мужчиной в самом расцвете сил. Он сам так говорил. Только густые, кудрявые чёрные волосы с прядями седины на висках давали окружающим понять, что ему было далеко не двадцать. Плотная щетина покрывала нижнюю часть лица, переходя в аккуратно оформленную бороду вокруг рта, а добрые карие глаза изучали пациента.

Лекс был невероятным человеком. Признаться, лучшим из всех, кого я знал. Выдающийся врач, сильная личность. Он бережно хранил в своей груди огромное сердце. Навер-

ное, именно поэтому подчинённые обожали его.

— Доктор Белард, вы нашли время спуститься с «Олимпиа», — мне нравилось подшучивать над ним. В конце концов, Александр был моим лучшим другом и наставником.

— «Олимп» подождет, а приёмное без меня сегодня не справляется. Подумываю уволить парочку докторов, — он хитро улыбнулся и бросил весёлый взгляд на пациентку. Она сначала удивлённо посмотрела на него, а потом улыбнулась, сообразив, что это была всего лишь шутка.

— Чем могу помочь? Спрашиваю из вежливости, чтобы и меня не уволили, — скинув больничный халат, включился я.

Моему мозгу нужна была передышка. И да, передышкой я назвал работу в приёмном отделении.

— Ха-ха. Пациент на третьей койке. Жалобы на боль в правом боку и тошноту, — Лекс передал мне карточку пациента и махнул рукой в сторону кушетки за ширмой.

Я последовал к парню средних лет, чтобы осмотреть его и направить к профильному специалисту.

Мы работали рука об руку, осматривая поступивших пациентов. Пара часов пролетела незаметно, и мы не нашли ни одного критического случая. Рядовые ушибы, бытовые несчастные случаи и несколько пациентов с лёгкими ожогами.

После гонки на выживание, которая случилась за последние несколько дней, мне было приятно отвлечься на простую и методичную работу, которая требовала меньшей концен-

трации.

Я наблюдал за Белардом и не переставал восхищаться его жизненной энергией.

Он делился позитивом абсолютно с каждым пациентом, которому оказывал помощь. Всегда улыбался, делал работу легко и уверенно.

Я поймал себя на мысли, что почти не помню, чтобы Лекс был в подавленном состоянии или даже брал нормальный отпуск. Он всегда работал, посвящал своё время больнице и вкладывал невероятные усилия, чтобы обучающая программа в стенах Холда продолжала работать, а лучшие врачи стремились сотрудничать именно с нами.

Однако в этом с виду идеальном человеке всё же было одно огромное «но» — он был невероятной занозой в моей заднице.

— Палмер, ты хочешь поговорить о том, что произошло вчера?

Я знал, что он хотел обсудить.

Мою боль. Хотел вытащить её наружу. Снова. Нет, я не дамся, не в этот раз. Пусть эта боль живёт со мной, ведь с Элизабет всё закончилось хорошо.

— Нет! — ответил я, не поднимая глаз от руки пациентки, которую зашивал.

Ну вот кто так режется, не понимаю.

— Пол, ты снова замыкаешься.

— Да знаю! Лекс, не надо, прошу тебя. Не сейчас, —

я многозначительно посмотрел на друга, а потом перевёл взгляд на пациентку. Не место и не время, чтобы вскрывать мне душу.

Белард покорно кивнул и удалился убирать использованные инструменты. Я понимал, что он не оставит меня в покое, пока не будет убежден, что со мной всё в порядке. Нужно было дать ему другой повод для раздумий, чем моя искалеченная душа.

— Доктор Белард, можно вас на минуточку, — я улыбнулся пациентке. — Мы закончили. Рекомендации по уходу за рукой вам передаст медсестра Мей. Берегите себя, — мягко сказал я.

Девушка, которая провела неудачное утро на кухне, виновато улыбнулась и поблагодарила меня за помощь.

Часто, когда у врачей-травматологов был полнейший завал, а большинство ведущих хирургов были заняты в операционных, мы спускались, чтобы закатать рукава и помочь справиться с потоком пациентов.

Такой день случился и сегодня.

Лекс снял перчатки, обработал руки и подошёл ко мне. Я присел на свободную кушетку и оглядел помещение. Впервые за последние пару часов здесь царила тишина и спокойствие.

— Ординатор, Рикарда Грейвс, какая у неё специализация? — мне действительно было любопытно.

По едва заметно изменившемуся выражению лица Лекса я

понял, что вопрос показался ему слишком личным, но комментировать он не стал. Доктор опёрся бедром об ящик с инструментами и сложил руки на груди.

— Так, дай подумать. Маленькая блондинка с причудливой причёской?

— Вообще-то она русая, скорее, — себе под нос ответил я. Лекс показательно рассмеялся.

Я вспомнил, как пару часов назад пытался прийти в себе после нашей последней стычки в детском отделении. Она была привлекательной. Это я мог признать хотя бы самому себе.

Нет, стоп. Забудь! — я мысленно дал себе пощечину.

Я едва заметно тряхнул головой, отгоняя лишние мысли.

— Она заканчивает ординатуру и начала стажироваться у Альварес. Понравилась? — весело поиграв бровями, Лекс уселся на край соседней кушетки.

Порой он был просто невыносим.

Я ткнул его в плечо и прилёг на другую койку, заложив руки за голову.

— Она ординатор, Лекс.

— И что? Ты говоришь так, будто ей пятнадцать, а тебе шестьдесят. Но мне кажется, что ординаторы опять что-то поменяли между собой, — легко ответил глава хирургии.

— Пару дней назад она ворвалась на мою операцию и ассистировала мне. Я не понял, как она попала на замену сердечного клапана. Думаешь, что ординаторы снова играют с

нами в игры? — я вопросительно взглянул на заведующего.

— Это уже интересно. Я попробую выяснить, — он задумался. — Хотя мне больше нравится версия, что дело в твоём неотразимом обаянии.

Я беспомощно провёл руками по лицу и снова принял сидячее положение.

— Доктор Белард, кажется, ваша больная фантазия вышла из-под контроля. Подберите её с пола.

Лекс громко засмеялся.

— Хорошо, дорогой, это было неплохо.

— Слушай, она думала, что я недавно окончил ординатуру и отчитала меня посреди детского отделения. Киллиан с медсестрой успели застать финал, — я нахмурился. — Говорила, какой я высокомерный и наглый. О каком интересе ты говоришь? — я поднялся с больничной койки и надел халат, одёрнув его полы.

Александр последовал за мной к ресепшену.

— Посмотри на себя в зеркало, Пол. Ты действительно выглядишь как напыщенный докторишка, — он толкнул меня плечом. — Но, кажется, я знаю в чём дело.

— Что за интриги, Лекс. Ты раздражаешь, — я потёр плечо, в которое он меня ударил, и опёрся о стойку, глядя другу в глаза.

— Мы об этом не договорили, — он прищурился и показал двумя пальцами знак «глаза в глаза». Я тяжело вздохнул.

— Не о чем говорить, меня волнует, почему ординаторы

посещают операции не по профилю. Мы вроде как учебная больница, — я развел руками, как бы напоминая нашему шефу одну из функций этих стен.

Лекс загадочно улыбнулся и взял пару папок со стола.

— Ладно, мне пора возвращаться на мой «Олимп», бумажки ждать не будут.

— Доктор Белард, не перестаю вами восхищаться, — я со смехом помотал головой и посмотрел ему вслед.

Александр сначала спокойно прошёл к широким стеклянным дверям, а в следующее мгновение подпрыгнул, вскинул обе руки и громко крикнул:

— Потому что я лучший, детка!

В этот момент я и медсестра за стойкой громко засмеялись.

Этот человек действительно был невыносим, но в той же степени невероятно обаятелен.

Глава 7

Пол

Работа в приёмном вместе с Лексом даже взбодрила меня. Время перевалило за полночь: необходимо было немного отдохнуть, прежде чем садиться за руль. Я направился в комнату отдыха для врачей, чтобы попробовать отключиться на пару часов.

К концу недели я уже не помнил, когда последний раз полноценно спал. Кажется, пару дней назад удалось выхватить целых пять часов, а потом...

Мои шаги отдавались громким гулом от стен пустого коридора. Редкий медперсонал проходил мимо по своим делам. Ночная смена началась несколько часов назад, но больница молчала. Была надежда на спокойную ночь.

Тусклые огни освещали пространство, а непривычно тихие переходы между корпусами заставляли поёжиться. Шум, который обычно сопровождал каждый угол этих стен, был настолько привычным, что тишина воспринималась не как благословение, а как опасность.

Знакомое ощущение после рабочей смены снова проскользнуло в сознание и прочно там обосновалось. Оно пугало. Это чувство сопровождало меня почти каждый раз после насыщенного дня, особенно если за день случилось много операций подряд. Без скальпеля и зажима в руках я чув-

ствовал себя пустым. Как будто вне операционной мне не было смысла существовать.

В операционной я знал, что нужен и что могу сделать что-то действительно стоящее. Там я мог всё контролировать.

Завернув за угол и оказавшись в блоке для персонала, я остановился и на секунду зажмурился. Попытка избавиться от ненавистного ощущения ненужности и потерянности. Я понимал, что эти мысли иррациональны, но мозг, как известно, противный товарищ. Спросите у доктора Беларда, он это точно знает.

Приложив ключ-карту к электронному замку и дождавшись характерного жужжания, я открыл дверь и вошёл в тёмное помещение. Настольная лампа в дальнем углу комнаты была единственным источником слабого освещения.

Я устало стянул халат с плеч и прикрыл глаза. Дежурная комната — так мы её называли — была небольшим помещением на четыре спальных места с зоной отдыха. Две двухъярусные кровати вдоль правой стены от входа скрывались за тонкой перегородкой, слева располагалась маленькая угловая кухня со всем необходимым, чтобы можно было быстро перекусить или просто выпить кофе. Возле кухни стоял диван и обеденный стол на шесть мест, который врачи обычно использовали как рабочий. Неудивительно.

Повесив халат на вешалку у входа, я направился к кроватям, надеясь занять нижний ярус. Заглянув за перегородку, я увидел там только одного спящего.

Киллиан лежал на боку, поджав к себе колени, прикрытый краешком бирюзового пледа. На полу возле него стояла стопка учебников по общей хирургии, а к щеке он прижимал ручку. Я повернул голову в сторону обеденной зоны: на столе стояла открытая банка энергетика. Типичная картина — уставший практикант и оставленные им «улики».

Я невольно заулыбнулся. Меня не особенно удивило, что Килли уснул именно здесь, а не в ординаторской, где по сути и должен был находиться.

Когда парень был маленьким и на время прилетал ко мне из Нью-Йорка, он много времени проводил со мной в больнице — в моём кабинете, комнате персонала или с кем-то из знакомых коллег. Я не мог оставить работу, а взять его с собой имел возможность достаточно часто. Может быть, именно из-за этого он всё-таки тоже решил стать врачом.

Поэтому сейчас, когда Киллиан начал проходить хирургические ротации, было так сложно скрыть тот факт, что он мой сын. Постоянный медперсонал прекрасно его знал, но их пришлось попросить держать эту информацию при себе. Это было несложно — все прекрасно понимали, что сыну будет трудно, если он во всеуслышание заявит: «Я Киллиан Палмер».

Но, очевидно, привилегиями сына главного кардиохирурга он всё-таки периодически пользовался — и, зная Килли, неосознанно.

Я присел на край кровати, на которой спал мой ребёнок,

и ласково потрепал его за ногу.

— Дружище, просыпайся, — полушёпотом позвал я.

Он не откликнулся, и я пошевелил его ещё раз.

Киллиан зажмурился и прикрыл лицо руками, вытянувшись в полный рост.

— Паап?

— Ты уснул в дежурке, — сообщил я и поглубже сел на кровати, подтянув к себе ноги.

Килли открыл глаза и привстал, чтобы сесть рядом со мной.

— Доктор Хоуп разрешила мне лечь здесь, я закончил смену, но решил не садиться за руль, — зевая проговорил он. — Вымотался.

Я тихо хохотнул. Эта же мысль посетила меня по дороге сюда.

Клайра как раз была одним из тех врачей, которые знали Киллиана с детства.

Я взъерошил уже немного засаленные волосы парня и приобнял его за плечи.

— Типичный практикант. Первая неделя, да?

— Да, не... — он немного смутился, — просто было много ротаций и лекций, — оправдался Киллиан и отчаянно повалился на кровать снова.

— Детка, не оправдывайся. Я, конечно, уже плохо помню, каково это — только начинать, но прекрасно понимаю, о чём ты.

Киллиан вопросительно глянул на меня из-под рук, которыми снова растирал уставшее лицо.

— Тебе было сложно? Не верю.

— Ха-ха, — фальшиво посмеялся я и в шутку толкнул сына.

Он засмеялся.

— Ты пришёл поспать? — спросил Килли.

— Да. И впервые за долгое время собираюсь действительно это сделать.

Я поднялся и занял нижнюю койку напротив. Снимать форму не было сил, поэтому я только стянул обувь, бросил телефон рядом с подушкой и лёг поверх покрывала.

— Разбудишь через час? — пробормотал Киллиан.

— Если сам проснусь.

— Отличный план.

Я усмехнулся и закрыл глаза.

Казалось, прошло всего несколько секунд. Когда я снова открыл глаза, в комнате ничего не изменилось: всё та же тусклая лампа, ровное дыхание Киллиана за перегородкой и тишина, которой обычно не существовало в Холде.

Я нащупал телефон — 04:47.

Почти четыре часа сна. Роскошь. Организм требовал ещё, но голова неожиданно стала яснее. Я несколько секунд смотрел на потолок, а потом повернул голову к спящему сыну.

Вдруг мне в голову пришла гениальная идея.

Я сел на кровати и потёр лицо ладонями.

— Килли, детка.

Он недовольно заворочался.

— М-м?

— Вставай.

— Нет, — сонно отозвался он и перевернулся на другой бок.

Как в детстве.

— Это не предложение, — нарочито строго сказал я.

Один глаз сына приоткрылся.

Встав с кровати, я начал стягивать медицинскую форму. Киллиан привстал на локтях и вопросительно изогнул бровь.

— Что ты так смотришь? Вставай, говорю. Переодевайся, — сказал я, стягивая брюки.

— Куда?

— Узнаешь.

Киллиан не спеша поднялся с кровати, как будто уговаривая себя принять вертикальное положение.

Мы вдвоём переодевались в полной тишине.

Так странно: теперь и я, и Килли были частью одной и той же безумной медицинской системы. Один из нас только начал этот изнурительный забег, а я как будто никогда не достигал финиша на этой бесконечной дистанции.

Спустя полчаса мы ехали в сторону старого круглосуточного кафе-мороженого в восточной части города. Лёгкая инструментальная мелодия тихо лилась из динамиков на минимальной громкости, ровное гудение мотора успокаивало.

Киллиан задремал на пассажирском сидении, а я устало потёр переносицу одной рукой, второй уверенно ведя машину по знакомому маршруту.

Свернув на подъездную дорожку, я припарковал машину рядом с парочкой таких же любителей полакомиться сладким в такую рань.

Киллиан резко проснулся и сонно огляделся.

— Это «Рейнкрим»? — улыбнулся сын и взглянул на меня. — Он ещё работает?

— Конечно. Пошли скорее, — выходя из автомобиля, бросил я. — Не забудь закрыть машину.

Оказавшись внутри просторного старого кафе, мы заняли небольшую очередь у прилавка. Всё вокруг казалось таким знакомым, хотя я даже не мог вспомнить, когда мы были здесь в последний раз. Деревянные стены и яркие неоновые вывески остались прежними. Повсюду красовались стаканчики и рожки с фирменным маскотом — забавным шариком мороженого с глазами.

Когда Киллиан учился в школе и приезжал погостить ко мне в Сиэтл, однажды я придумал завести какую-то забавную традицию, чтобы расслаблять перегруженный мозг ребёнка.

Сын занимался в научном кружке, был капитаном команды по футболу и неплохо учился. В один из таких дней по дороге из аэропорта мы остановились на заправке напротив этого кафе: забрели за водой, а влюбились в необычные со-

четания вкусов мороженого, которые придумывал владелец «Рейнкрима».

— Белый шоколад-малина и солёная карамель-эспрессо, — сделали мы свой привычный выбор, и я улыбнулся Керри — тому самому владельцу.

— Отличный выбор, доктор Палмер, — улыбнулся в ответ седой тучный мужчина. Его внушительные габариты совершенно не сочетались с добродушным лицом. Но он отлично подходил этому месту.

— Просто Пол, пожалуйста, — уже в миллионный раз просил я Керри, но он настойчиво упоминал мой профессиональный статус. Киллиан рядом театрально закатил глаза.

Несмотря на то, что я очень давно не заглядывал в заведение, этот мужчина сразу вспомнил меня и Килли. Правда удивился, как сильно за эти годы вырос сын.

Пара посетителей расположилась в дальнем углу кафе за круглым столом у окна. Керри суетился, выкладывая нам шарики мороженого в фирменные стаканчики с тем самым маскотом, который, к слову, был нарисован неумелыми ручками его племянницы. Он всегда рассказывал эту историю своим посетителям.

Наверное, именно поэтому у этого места была особая атмосфера.

Забрав свой заказ, мы поблагодарили мужчину и вышли на парковку.

— Как всегда? — спросил я у Киллиана.

Он заметно оживился и кивнул, забираясь в машину.

Недалеко от «Рейнкрима» на восточном берегу располагался парк Мадрона, откуда открывался чудесный вид на озеро Вашингтон.

Припарковавшись почти у самого берега на специальной площадке, мы выбрались из машины и вдвоём сели на капот. Тепло, оставшееся от работы двигателя, приятно грело, отвлекая от холодного осеннего воздуха. Мороженое подтаяло за время поездки, а над водой начал теплиться рассвет.

Ночь была сухой и безветренной. Пока октябрь неожиданно радовал редкими сухими днями и проблесками тепла.

Мороженое осенью — странно? Но в тот момент мне так хотелось почувствовать себя обычным человеком, да и напомнить сыну, что помимо его основной цели — стать врачом — существует жизнь за пределами больницы.

— Расскажи, как прошла твоя первая неделя? Я почти не видел тебя дома.

Киллиан заметно напрягся, как будто пытался отфильтровать то, что хотел сказать. После недолгих раздумий он всё же расслабился и заговорил:

— Если я так разбит на ротациях, то что будет в ординатуре? — с отчаянием в голосе проговорил он и съел очередную ложку своего ночного перекуса.

— Будет ещё сложнее, — честно и просто ответил я.

Мой десерт был таким терпким на вкус, что я рефлекторно скривился от новой порции во рту. Но мне это даже нра-

вилось.

— Звучит отстойно.

— Килли, ты вырос в больницах, неужели ты не понимал, во что ввязался?

Может быть, это было даже жестоко, но я не был склонен к тому, чтобы приукрашивать реальность.

— Я не жалею, пап. Просто... Меня пугает то, как я в это всё вливаюсь. Учёба, ну... теория, в смысле, даётся мне легко, но практика... — он посмотрел на меня, — как будто, знаешь, я беру на себя слишком много, думая, что на практике мне всё будет даваться так же легко, как на лекциях и зубрить учебную литературу.

Я доедал своё мороженое, пока слушал его и невольно вспоминал свои первые дни в больнице.

— Ты гений, детка. И это не похвала гордого отца или что-то в этом роде. Это правда. Ты прошёл путь, на который у большинства уходит около восьми лет, гораздо быстрее, но это неплохо. Просто твой мозг работает по-другому, а тело, как у всех.

Я привык объяснять всё научно, но в разговоре с Киллианом это было не нужно. Мне хотелось забрать у него все страхи и сомнения, но, с другой стороны, я прекрасно понимал, что это его путь и он должен быть сложным. Врачом иначе не становятся.

— Вчера на операции у Доусона я перепутал иглодержатель и зажим. Это фиаско, пап, — Киллиан откинулся на ка-

пот, заложив руку за голову.

Я начал заливисто хохотать.

— На своей первой операции в качестве ассистента я едва успел выскочить из операционной, прежде чем меня вырвало. Буквально фонтаном, — изобразил я действие рукой.

Киллиан ошарашенно взглянул на меня, когда я повернул к нему голову.

— Чтоооо? Ты не рассказывал раньше.

— Мне всегда было стыдно за тот случай, теперь, глядя на твои трудности, как будто и стыдиться нечего, — я развернулся к сыну боком, чтобы видеть его во время разговора.

— Мне сложно поверить, что ты был не подготовлен или не собран.

— Я был собран и готов, просто открытие брюшины оказалось для меня чересчур. Хотя, если я правильно помню, — я задумался, — тогда моя смена длилась уже тридцать с чем-то часов.

В те годы для ординатора-хирурга в этом не было ничего необычного.

Моя история заметно сняла напряжение с лица сына, и я прилёг рядом с ним, глядя в порозовевшее небо.

— Как ты справился со всем этим? — спросил Килли. — Ведь во время твоей ординатуры у тебя уже был я.

Я задумался и не сразу ответил.

Это действительно был один из самых сложных периодов в моей жизни: меня разрывала вечная тоска по сыну, кото-

рый жил с Лейлой в Нью-Йорке, где она училась и где ей сильно помогала её мама, а моя практика проходила в Сиэтле. Ординатура была интенсивной, а цель стать кардиоторакальным хирургом появилась у меня ещё во время учёбы в Стэнфорде.

— Наверное, то, что ты жил большую часть времени с Лейлой, несколько облегчало мне задачу, но я всегда чувствовал себя виноватым, — я пожал плечами.

— Пап, ты самый лучший отец. Несмотря на то, что мы жили на расстоянии, я всегда знал, что ты есть, и мог на тебя рассчитывать, — успокоил меня сын.

Я потрепал его по коленке и снова сел на капот, уперев локти в колени. Киллиан сел рядом.

— Я просто делал то, что должен был. Никогда не сомневался в том, что поступаю правильно, — глядя на горизонт, рассказывал я. — Ну и ещё выработал привычку не спать и существовать на одном приёме пищи в день. Ты так не делай, — строго предупредил я сына.

Мы вместе тихо засмеялись.

— Я не сомневаюсь, что хочу стать хирургом, да и у меня нет ребёнка, что очевидно облегчает задачу, — пошутил Килли, а я испуганно глянул на него.

— Я шучу.

— Я надеюсь!

Как бы я ни любил сына, стать отцом в восемнадцать оказалось непросто, со всеми вытекающими последствиями.

Порой я сам не понимал, как мне удалось добиться профессиональных высот и сохранить крепкие отношения с ребёнком.

— Ты справишься. Просто наберись терпения и позволь себе ошибаться. Именно ошибки формируют наш опыт, — я приобнял сына, и мы оба подняли глаза к горизонту.

— Спасибо, па, — просто ответил Киллиан и обнял меня за плечи в ответ.

Рассвет набирал силу, окрашивая горизонт в разные оттенки голубого, красного и фиолетового. Зрелище завораживало. Я физически ощущал, как каждая мышца в теле ныла и молила об отдыхе, но отпускать это мгновение было страшно.

Из таких моментов и состояла жизнь, а я совсем забыл об этом. Переезд Киллиана изменил мой привычный уклад, заставил задуматься, что я и правда потерялся в работе. Я закрыл глаза, а перед ними вместо рассвета снова появились цветные косы.

Здесь, сидя в парке, я позволил себе подумать о ней: рассмотреть свои мысли под разным углом и проконтролировать, чтобы они не ушли дальше дозволенного. Странно. Я думал о Грейвс уже второй раз за последние несколько часов.

— Поехали, ты ещё успеешь поспать пару часов, — позвал меня Киллиан, спрыгнув на землю. — Хочешь, я поведу?

Я устало кивнул, позволяя сыну занять водительское кресло. Разместившись на пассажирском месте, я откинул

голову и прикрыл глаза.

Киллиан оказался прав, и мне удалось поспать ещё четыре часа, прежде чем я снова отправился в Холд. Утром в моём расписании не стояли плановые операции, поэтому я смог позволить себе явиться в больницу на два часа позже. Должны же быть какие-то плюсы от того, что я являлся главой отделения?

На самом деле, я не любил задерживаться или пренебрегать своими прямыми обязанностями, но когда организм был истощён и требовал больше сна, чем привык получать, я разрешал себе эту слабость. Последние недели выдались тяжёлыми: сложные операции, эмоции, не связанные с работой...

Несмотря на поздний подъём, я пробежал привычные десять километров по набережной и обратно до дома. Здравый смысл подсказывал пропустить пробежку. Привычка оказалась сильнее.

Вернувшись, я переодевался в спальне, когда услышал, как сын кричит с кухни:

— Я в Ю-Даб* (Медицинская школа Университета Вашингтона). Пока.

— До встречи, детка. Я вернусь завтра, — отозвался я, натягивая чёрный лонгслив через голову. Сегодня меня ждало суточное дежурство.

Телефон на прикроватной тумбе завибрировал, оповещая

о входящем сообщении. Собирая сумку, я глянул на загоревшийся экран и прочитал превью.

Лекс: *«Опаздываете, доктор Палмер?»*

Я в голос засмеялся.

Заметил, — пронеслось в голове.

Уже в прихожей, обувая челси, ответил шефу.

Я: *«Осуждаете, шеф?»*

Ответ пришёл мгновенно.

Лекс: *«Ни в коем случае! Решительно одобряю»*

Я: *«Так себе вы руководитель. Я уже еду».*

Александр был единственным человеком, который знал настоящий масштаб моей занятости и количество часов, проведённых мной в операционной. Это он в первую очередь настаивал на моём отпуске или хотя бы паре дней передышки — я всегда отказывался.

Не представляю, что можно делать целых два дня, если у тебя нет операций, лекций в университете или консультаций в больнице. Мне всегда нужно было дело. Мой мозг просто не воспринимал безделье как явление.

Через двадцать минут, зайдя в стеклянные раздвижные двери, я стряхнул капли дождя с плеч своего пальто и направился на третий этаж, в отделение кардиоторакальной хирургии.

В коридоре между блоками меня поймала административная сестра Нора.

— Доктор Палмер, ваше расписание на сегодня загружено

в планшет. Мисс Бил я выписала с утра, как вы и просили, — быстро отчиталась девушка.

— Нора, спасибо. Не спешите в следующий раз вываливать на меня всё с порога, я внимательно вас выслушаю, как только переоденусь, — я постарался улыбнуться как можно добродушнее, насколько это было возможно.

Девчушка отлично выполняла свою работу и была жутко ответственной, но всегда торопилась. Она виновато кивнула и вернулась за стойку.

Пока я переодевался в свежий хирургический костюм, надетый поверх тёмно-серого лонгслива, на электронные часы, которые мы носили в стенах больницы, пришёл вызов.

Новая система коммуникации внутри Холда позволяла более оперативно реагировать на экстренные случаи и всегда оставаться на связи. Расписание операций, текущее распределение ординаторов, дежурства и многое другое всегда было под рукой; только это не отменяло того, что ты постоянно кому-то был нужен. Я одновременно восхищался инновациями, внедрёнными в нашу работу, и ненавидел их. Раньше было проще спрятаться, когда ты в этом отчаянно нуждался.

Я пролистал уведомление на сенсорном экране и направился в первую операционную на своём этаже.

В предбаннике — так мы называли предоперационный блок между собой, — надев одну из своих шапочек с китами и маску, я вошёл в оперзал. Остановился вне стерильной зоны у входа.

— Палмер, доброе утро или уже день? — отозвался кардиохирург Доусон.

До чего противный тип. Он никогда не нравился мне, но руки у него были золотые.

Я вскинул ладонь в знак приветствия. Халат мне пока не понадобился — меня вызвали для консультации по сосудистому этапу повторной реконструкции лёгочной артерии при врождённом пороке сердца.

Я оглядел операционную и заметил за столом доктора Альварес, её неизменного, как я понял ранее, ассистента Рикарду Грейвс и быстро перевёл взгляд на главного хирурга — Тома Доусона.

— На столе Питер, восемнадцатилетний технический гений. Я оперировала его восемь лет назад и с тех пор продолжаю вести совместно с кардиохирургами. Месяц назад на контрольном осмотре обнаружили суженный участок лёгочной артерии — приняли решение провести повторную реконструкцию, — не отрываясь от работы, проговорила доктор Альварес, стоя ко мне спиной.

Я слушал её вполуха, улавливая только суть. Быстро оценив происходящее, я невольно задержал взгляд на Рике. Она сосредоточенно изучала операционное поле и следила за каждым движением Тома.

— Вы позвали меня включиться в процесс или проконтролировать его? — уточнил я, стоя чуть в стороне от оперирующей бригады.

— Миранда посчитала, что с реконструкцией сосуда лучше тебя никто не справится, — высокомерным тоном отчеканил Доусон и недовольно глянул на Рику, которая в этот момент подавала ему зажим. Я это почему-то отметил.

— Пол, подключись, пожалуйста. Я хочу сделать всё возможное для этого мальчика, — мягко пресекла его комментарий Альварес. После чего я сразу отправился мыть руки и одеваться в стерильную одежду. Вернувшись, медсестра помогла мне надеть привычные чёрные стерильные перчатки.

Завершив подготовку, я занял место Миранды за столом, рядом с Рикардой. Её присутствие почему-то ощущалось слишком отчётливо, поэтому я сразу сосредоточился на операционном поле.

— Что с музыкой? — вдруг спросил я, обратив внимание на кантри-мотивы на фоне.

— Выбор главного хирурга, — внезапно раздался голос слева от меня. Я глянул на профиль ординатора. Она всё так же не отрывала глаз от рабочего процесса.

— Необычный выбор. Может, сменим плейлист? — уточнил я, глядя на Тома. Он только хмыкнул в ответ, заканчивая подготовку тканей для сосудистой реконструкции.

— Вы сегодня консультант, доктор Палмер, а привилегия выбирать музыкальное сопровождение всё-таки остаётся за главным хирургом, — Рика ехидно сощурила глаза. — Такие правила. — Она невинно пожала плечами.

Я сдержал порыв засмеяться и коротко посмотрел на ор-

динатора, кивнув. Через секунду я вернул взгляд на грудь пациента, а Альварес и Доусон тихо рассмеялись.

— Доктор Грейвс отлично знакома с регламентом, — поддержала её наставница.

Засчитано, Рикарда, — подумал я и приступил к работе. Девушка рядом со мной еле заметно дёрнула головой, как будто всё это время ждала моей ответной реакции, а, не дождавшись, расслабилась.

Знакомый азарт, возникающий рядом с этой девчонкой, зашекотал затылок. Я начинал думать, что наши словесные перепалки мне даже нравятся.

Вместе мы перешли к этапу, на который меня и вызвали. Отключив все мысли, я внимательно изучил проделанную коллегами работу и приступил к формированию сосуда.

— Зажим Дебейки, пожалуйста, — тихо попросила Рикарда у операционной сестры. Я чуть ниже опустил голову и удивлённо вскинул брови.

— Вы торопитесь, Рикарда, — резко одёрнул Доусон. Его реплика неприятно резанула слух. Рика рядом со мной нахмурилась и шумно выдохнула.

Она думает на шаг вперёд, — отметил я про себя.

Повисла вязкая тишина, которую нарушал только лязг медицинских инструментов. Я всё-таки решил вмешаться:

— Не стоит критиковать ординатора, доктор Доусон, за то, что она думает на шаг вперёд, — бросил я первому хирургу, не отрываясь от работы.

Миранда, стоявшая у головы пациента, демонстративно перевела взгляд на мониторы сердечных показателей. Думая, она беззвучно смеялась.

Медсестра протянула Рике зажим, и та вложила его мне в руку, как раз в тот момент, когда я уже собирался попросить инструмент.

— Благодарю, — достаточно громко отозвался я. Рикарда гордо распрямила спину.

Доусон до конца операции отвечал короткими фразами, стремясь молча и быстро закончить свою работу. Я понимал его раздражение, но больше всего в жизни я терпеть не мог несправедливость. Я был убеждён: унижениями молодых хирургов хорошими врачами не сделаешь.

Тишину операционной нарушили звуки скрипки, заигравшие на фоне. Альварес всё-таки попросила сменить плейлист. Я улыбнулся и проверил стабильность показателей на экранах.

— Отличная работа, Миранда... И ты, Том, — отходя от операционного стола, почти вежливо бросил я.

Коллеги один за другим отходили от стола и скрывались в предоперационном блоке.

— Доктор Палмер, насчёт того... — я услышал голос Рикарды.

— Не придавайте этому большого значения. Я сказал правду, — не глядя на девушку, проговорил я. Не давая ей ответить, решил добавить: — Но операционное поле вы чи-

таете лучше, чем выбираете музыку.

— Сегодня вы не были главным, доктор Палмер, поэтому вам оставалось только терпеть, — она стянула маску, невинно улыбнулась и удалилась в нестерильную зону.

Оставшись один, я позволил себе широко улыбнуться.

Очень много лет я не встречал ординаторов, которые не боялись спорить и отстаивать свои границы. Рикарду, очевидно, не напугала наша прошлая стычка, и это вызывало невольное уважение. Она чётко и сосредоточенно действовала в операционной и не позволяла себе отвлекаться даже на таких типов, как Доусон. Его замечание нисколько не выбило её из процесса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.